

Учредители журнала:	СОДЕРЖАНИЕ	
ОАО «Молодая гвардия» и коллектив редакции	Илья Бруштейн. Дзюдо: реабилитация, гармония, красота	1
Главный редактор Ю.И. Кочетков	Начало дороги на космодром	16
Редакционная коллегия:	Соболиная тайга	26
С.В. Винокурова В.З. Денискина Г.С. Еремеев И.Н. Зарубина О.В. Клековкина Ю.И. Котов В.В. Кулешов И.И. Семёнова Г.А. Смирнов А.В. Тимофеев А.П. Торопцев О.В. Шевкун	Юрий Рогов. Его аисты	41
	ПРОБА ПЕРА	
	Юлия Завгородняя. Стихотворение	47
	Артём Медников. Моя семейная реликвия	47
	НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ	
	Аркадий Илин. Стихи	50
	Пётр Орешин. Стихи	53
	АЗ, БУКИ, ВЕДИ	
	Роберт Луис Стивенсон. Стихи	65
	Ирина Антонова. Трам-парам-пам! У! У!	69
	Александр Панков. По следам Василия Ерошенко	80
	УРОКИ БИСЕРОПЛЕТЕНИЯ	
	Лариса Шевцова. Урок № 13	94

ДЗЮДО: РЕАБИЛИТАЦИЯ, ГАРМОНИЯ, КРАСОТА

Наш сегодняшний собеседник — заслуженный тренер Российской Федерации, старший тренер паралимпийской женской сборной РФ по дзюдо, мастер спорта по дзюдо слепых, отличник физической культуры, кавалер медали ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени Ислам Исрапилович Ибрагимов. В 2004 году он был назначен старшим тренером паралимпийской сборной страны по дзюдо. В 2015 году общая сборная была разделена на две отдельные команды — женскую и мужскую. Ислам Ибрагимов стал старшим тренером женской команды, мужскую сборную стал тренировать Виталий Павлович Глигор.

Многие родители незрячих и слабовидящих детей, да и сами они считают дзюдо мальчишеским, мужским видом спорта. Ислам Исрапилович категорически не согласен с этой точкой зрения. Он убеждён в том, что успехов на татами могут в равной мере добиваться и мальчишки, и девчонки.

Чем раньше человек начинает осваивать дзюдо, тем больше у него шансов достичь хороших результатов. В секциях дзюдо можно встретить немало дошколят, мечтающих о чемпионских медалях. С другой стороны, существует немало примеров, когда незрячие и слабовидящие люди приходят в дзюдо уже во взрослом, сознательном возрасте. И, несмотря на «поздний старт», самые упорные, увлечённые и трудолюбивые добиваются успехов!

Хочется надеяться, что знакомство с Исламом Ибрагимовым для кого-то станет стимулом для занятий физической культурой и спортом. Кого-то заинтересует именно дзюдо, кто-то выберет для себя другой вид спорта. Наши главные и самые трудные победы — это победы над собой, над собственной ленью, пассивностью и несобранностью.

Конечно, далеко не каждый сможет стать членом паралимпийской сборной, связать свою жизнь с профессиональным спортом и тренерской работой. Но собственные маленькие спортивные победы доступны даже при полном отсутствии зрения и многочисленных сопутствующих диагнозах.

— Ислам Исрапилович, вы не только успешный тренер, многолетний наставник российских дзюдоистов, но и товарищ по несчастью многих наших читателей...

— Да, у меня тоже инвалидность по зрению, вторая группа. Но в сравнении со многими нашими спортсменами мои зрительные возможности сравнительно высокие. В настоящее время острота зрения составляет у меня около восьми процентов. Бог дал мне возможность не только самому выходить на татами, но и с помощью остатка зрения наблюдать за поединками дзюдоистов. Конечно, для тренера это очень важно. С другой стороны, успехов в дзюдо может достичь и тотально незрячий спортсмен.

— Расскажите, пожалуйста, о своей жизни, об основных этапах биографии.

— Я родился в 1971 году в Дагестане, в высокогорном Тляратинском районе, в селении Кодзоба, по национальности я — аварец. Проблемы со зрением у меня с самого

рождения. Семья у нас была многодетная: десять детей. Отец умер, когда мне было семь лет. Конечно, маме пришлось не просто. Но она достойно воспитала четырёх дочерей и шестерых сыновей, всех, как говорится, вывела в люди. Сейчас, к сожалению, мамы уже нет в живых.

Мой старший брат Расул занимался вольной борьбой. И по его примеру я тоже заинтересовался спортом. В первый класс я пошёл в семь лет, как и положено, в нашу сельскую школу. Но быстро стало понятно, что мне там учиться очень трудно. Я не видел, что написано на доске, хотя и сидел на первой парте. Были и другие сложности с учёбой из-за плохого зрения.

Тогда маме сказали, что в Дагестане есть специализированная школа-интернат для слепых и слабовидящих, единственная на всю республику. Располагается она в городе Избербаше. Это больше двухсот километров от нашего села. В школу-интернат меня отвезла тётя. Мне тогда уже исполнилось восемь лет.

— *А вам не было страшно уезжать далеко от дома?*

— Наоборот, у меня было большое желание учиться в этой специализированной школе. Помню, что очень волновался во время дороги, боялся, что меня не примут в школу и отправят обратно домой. И тогда я останусь совсем без образования. Вот такие детские страхи! Но всё прошло отлично. В школу меня приняли, хорошо встретили. Мне нравилось учиться. Школьные годы оставили тёплые, добрые воспоминания.

— *В школе вы занимались спортом?*

— Это были занятия на любительском уровне. Мне нравились уроки физкультуры. У нас в школе были спортивные секции гимнастики, лёгкой атлетики. Мне нравились упражнения на кольцах, на перекладине. На

тренировках по гимнастике любил делать мостики, опорные прыжки.

Как и многие мальчишки, любил играть в футбол, побороться, иногда даже подраться... Физической активности в детстве было много. Одно время в школьные годы несколько мальчишек, и я в том числе, увлеклись хождением на руках. Мы соревновались друг с другом, кто дальше сможет пройти на руках.

— *Интересное соревнование!*

— На самом деле это была не очень разумная затея! Мы не умели правильно падать, группироваться, было много болезненных падений. К счастью, до серьёзных травм не дошло. Теперь я понимаю, что учиться ходить на руках необходимо под руководством грамотного тренера, а не самостоятельно.

Всё-таки в детстве в моей жизни присутствовала скорее физкультура, чем спорт. У меня, например, не было опыта участия в крупных соревнованиях. У нас в школе не было профессиональных тренеров по различным видам спорта.

— *Как сложилась ваша жизнь после окончания школы?*

— Последние два школьных года я учился в Армави-ре, в Краснодарском крае, школа в Избербаше в то время давала только неполное среднее образование. После окончания школы решил не поступать в вуз, а пойти работать на Краснодарское УПП Всероссийского общества слепых. Это было связано с желанием материально помочь семье. А в то время на учебно-производственных предприятиях ВОС были весьма приличные зарплаты.

В Краснодаре я жил и работал на УПП с 1990 года по 1994 год. Занимался любительским спортом, начал ос-

ваивать дзюдо. Но после развала Советского Союза зарплаты на УПП резко сократились, как и численность работающих. Поэтому в 1994 году я переехал в Москву и с тех пор живу в столице.

— *Именно в Москве вы начали серьёзно заниматься дзюдо?*

— Да. Я работал на предприятиях Общества слепых в качестве слесаря-сборщика и одновременно занимался дзюдо. Неоднократно становился призёром чемпионатов России по дзюдо среди инвалидов по зрению. Кроме того, с 1995 года по 2000 год я заочно учился в Московском институте физической культуры и спорта, получил диплом тренера по дзюдо. Ещё до окончания института стал работать тренером. Правда, в течение нескольких лет вся работа шла на общественных началах.

В 2004 году была сформирована сборная России по дзюдо среди инвалидов по зрению — паралимпийская сборная страны. И я стал её старшим тренером. Именно с этого времени я стал профессиональным, штатным тренером. Мне уже не надо было зарабатывать на жизнь другим трудом. В 2005 году я завершил свою спортивную карьеру и сосредоточился на тренерской работе.

— *Почему в 2015 году паралимпийская сборная команда была разделена на две части: мужскую и женскую?*

— Такое разделение есть и в олимпийской сборной. Это произошло из-за большого объёма работы для старшего тренера. Поэтому в Министерстве спорта приняли решение, что и мужской, и женской сборной нужен свой старший тренер. Но у нас взаимозаменяемость. В моё отсутствие тренировки в женской команде прово-

дит Виталий Павлович Глигор. Я тоже работаю с его дзюдоистами.

— *Сколько спортсменов в сборной команде?*

— В женской сборной 28 спортсменок: 14 — в основном составе и 14 — в резервном. В мужской сборной такая же организационная система. В женском дзюдо представлено семь весовых категорий: 48 кг, 52 кг, 57 кг, 63 кг, 70 кг, 78 кг, 78+. В последней категории разница в весе между спортсменками может быть самой большой, в ней представлены все спортсменки, чей вес превышает 78 кг. На татами могут сойтись дзюдоистки весом 79 и, например, 100 килограммов.

В остальных весовых категориях разница в весе между спортсменками сравнительно небольшая. Дзюдоистка не обязательно должна в течение всей своей спортивной карьеры выступать в одной весовой категории. По совету тренера и собственному желанию она может набрать мышечную массу и перейти в более «внушительную» весовую категорию. Или, наоборот, девушка худеет, или, как говорят спортсмены, «подсушивается».

Хотя все дзюдоистки и дзюдоисты выступают в соревнованиях по одним правилам, но в каждой весовой категории есть своя специфика, свои особенности проведения тренировок. С увеличением веса большее значение приобретают силовые качества, а с уменьшением веса — скоростные. Самое главное, чтобы спортсменка чувствовала себя в данной весовой категории наиболее комфортно.

— *Как происходит отбор спортсменок в сборную команду?*

— Критерии очень простые и прозрачные. Ежегодно проходит чемпионат России по дзюдо. В каждой весовой

категории спортсменки, занявшие первые и вторые места, становятся членами основного состава сборной, а обладатели третьего и четвёртого места — резервного состава. Поэтому каждый год дзюдоистки могут стать членами сборной или потерять такую возможность.

У каждой дзюдоистки и каждого дзюдоиста есть свой личный тренер, который и определяет ежедневный тренировочный процесс. Старший тренер сборной координирует деятельность всей команды, занимается организацией и проведением тренировочных сборов. Он также отвечает за то, чтобы из отдельных спортсменов и тренеров сложилась единая, боевая, крепкая команда.

Как правило, у старшего тренера есть и свои подопечные. Я тоже в настоящее время, кроме работы в сборной, тренирую несколько незрячих и слабовидящих дзюдоисток.

— *Ислам Исрапилович, вы возглавляете женскую паралимпийскую сборную по дзюдо. А можно ли назвать этот вид спорта женским, девичьим? Или он больше подходит для суровых, мужественных парней?*

— Мне думается, что в сегодняшнем мире уже не существует разделения — за редчайшими исключениями! — на мужские и женские виды спорта. Девушки и женщины успешно осваивают хоккей, футбол, бокс и т.д. Если говорить о дзюдо, то этот вид спорта способствует формированию гармоничной женской фигуры.

Тренировки дзюдоисток включают в себя самые разные виды нагрузок: бег, лазание по канату, подтягивания, отжимания, жим штанги лёжа, приседания со штангой и т.д. Разнообразные тренировки способствуют выработке хорошей осанки. Фигуры мужчин становятся более мужественными, а женщин — более женственными.

ми. Некоторые родители и сами девушки думают, что дзюдо делает девичью фигуру «перекаченной», мужеподобной. Это нелепые предрассудки!

Дзюдо способствует уверенности в себе, повышает самооценку. Девушка может быть нежной, ласковой, грациозной, но при этом сильной, волевой и решительной. Женская красота нередко сочетается с недюжинной физической силой. Поэтому наши дзюдоистки, в том числе члены паралимпийской сборной, и красивые, и сильные. И умные, конечно.

— *По вашему мнению, родителям не нужно бояться, если их дочка займётся дзюдо?*

— Конечно. Я бы хотел обратить внимание ещё на один важный аспект. В паралимпийском спорте тренеры всегда учитывают не только зрительные возможности спортсмена (остаточное зрение, тотальную слепоту), но и сопутствующие заболевания. Инвалидность по зрению нередко связана и с другими недугами. Поэтому девиз работы тренера совпадает с девизом врача — «Не навреди!»

— *В дзюдо тотальники выходят на татами вместе со слабовидящими спортсменами. У вашей спортивной дисциплины нет деления на группы по зрительным возможностям, как, например, у пловцов или легкоатлетов. Не оказываются ли незрячие спортсмены в более трудном положении?*

— Конечно, среди всех инвалидов по зрению тотальникам приходится труднее всех. С этим никто не станет спорить! Но именно в дзюдо незрячие люди могут в полной мере реализовать свой спортивный потенциал. Этот вид спорта основан на тактильном контакте. Броски, подсечки и другие приёмы в дзюдо осуществляются

за доли секунды, практически мгновенно. За это время даже человек с отличным зрением не может получить визуальную информацию и обработать её. Да этой информации спортсменам и не требуется!

Всё определяют совсем другие качества: сила, ловкость, тактическая подготовка (знание приёмов дзюдо и умение применить эти приёмы на практике) и, конечно, интуиция. Опытная дзюдоистка чувствует, как будет действовать её соперница в следующие секунды и минуты поединка. Во время схватки нет времени на раздумья, но настоящая дзюдоистка — в том числе и незрячая — знает, какие именно приёмы можно ждать от соперницы.

В шахматах игроки изучают индивидуальный стиль, манеру игры предполагаемого соперника. То же самое происходит и в дзюдо. В профессиональном спорте мы не просто готовимся к соревнованиям, а к поединкам с конкретными соперницами. У каждой дзюдоистки есть свой индивидуальный стиль, свои любимые приёмы. Эти приёмы вполне может изучить личный тренер и направить свою подопечную в «правильное русло».

Знание индивидуальных особенностей соперниц — это одна из составляющих победы на соревнованиях. И, конечно, важна непоколебимая уверенность в победе! Это особенно важно в тех случаях, когда моим девушкам приходится выступать против соперниц, которые объективно сильнее их.

Не должно быть страха, робости, неуверенности перед более опытными соперницами. Правильный психологический настрой может компенсировать какие-то недоработки в физической и тактической подготовке. Успех в дзюдо обеспечивают отнюдь не зрительные возможности, а совсем другие факторы!

— *Поединки в паралимпийском дзюдо проводятся по тем же правилам, что и у зрячих?*

— Единственное существенное отличие состоит в том, что во время поединка между спортсменками должен постоянно сохраняться тактильный контакт. Когда незрячие дзюдоистки начинают соревноваться, они удерживают друг друга за кимоно. Этот захват называется «кумиката». Если связь спортсменок нарушена, то судья командой «матэ» (ждите), или «стоп» останавливает борьбу, и девушки возвращаются в исходное положение.

— *Не могли бы вы как старший тренер сборной команды России рассказать о наиболее титулованных, успешных дзюдоистках?*

— Виктория Потапова — одна из наиболее опытных наших спортсменок. Она — тотально незрячая. Выступает в самой лёгкой весовой категории, до 48 кг. Чемпионка мира. Четырёхкратная чемпионка Европы. Трёхкратный призёр Паралимпийских игр. Более десяти раз Вика выигрывала чемпионат России.

Я работаю с ней не только как старший тренер сборной, но и в качестве личного тренера. Вика пришла в дзюдо поздно, в 26 лет. Но ей удалось достичь значительных успехов благодаря сочетанию двух факторов: отличной физической подготовки и огромному трудолюбию.

Мы начали тренироваться в начале 2000 года. И уже через несколько месяцев она стала чемпионкой России. В 2001 году Потапова становится чемпионкой Европы и вновь выигрывает чемпионат России. И в дальнейшем все годы спортивной карьеры Вике сопутствует успех. Очень надеюсь, что она будет выступать ещё в течение нескольких лет.

— *Как удалось достичь таких феноменальных успехов за такое короткое время?*

— Хотя Вика и не занималась дзюдо до нашего знакомства, но она дружит со спортом с юных лет: была успешной гимнасткой, увлекалась голболом. Её интересовали самые разные виды спорта, поэтому она сразу согласилась на моё предложение попробовать себя в дзюдо.

— *Как началась ваша совместная работа?*

— Так же, как и со всеми другими спортсменками. Мне необходимо было протестировать, определить уровень её физической подготовки. И этот уровень уже тогда превышал показатели других моих подопечных. Например, многие дзюдоистки могут подтянуться только три-четыре раза, а Вика сразу же подтянулась десять раз.

В жиме лёжа она смогла при весе в 48 кг поднять штангу весом в 50 кг. Уже во время нашей первой встречи Вика продемонстрировала умение лазить по канату. Она с хорошими показателями пробежала дистанции 800 и 1 500 м.

Мне сразу стало понятно, что у этой девушки, благодаря достойной физической подготовке, имеется значительный потенциал. И сегодня мы с Викой уделяем физической подготовке большое внимание. Например, Вика не только прекрасно лазает по канату, но и способна делать это только с помощью рук, без использования ног. А это совсем не просто!

Вика стала быстро осваивать секреты дзюдо. У нас возник отличный психологический контакт. Это тоже способствовало успешному тренировочному процессу.

Наше интервью будет неполным без упоминания Олеси Степанюк. Эта слабовидящая спортсменка выс-

тупает в весовой категории до 52 кг. Её личным тренером является Анатолий Михайлович Смирнов. Так же как и Вика, Олеся — титулованная спортсменка. Чемпионкой страны она становилась более десяти раз, выигрывала различные международные соревнования.

Олеся не просто трудолюбивый и работоспособный человек, а настоящий фанат дзюдо. Её не нужно мотивировать на тренировки. У меня сложилось ощущение, что Олеся готова тренироваться бесконечно. Задача тренера состоит в том, чтобы останавливать её, чтобы она не переборщила, не навредила себе избыточными тренировками.

Что я ещё могу сказать об Олесе? Она подтягивается по пятнадцать раз подряд, способна совершить за десять секунд по шесть-семь бросков. У Олеси богатый арсенал бросков, зацепов, подсечек и других технических приёмов дзюдо, которыми она виртуозно владеет. Эта барышня с одинаковой лёгкостью и грациозностью может и через бедро бросить, и через спину с колен, и через спину со стойки. Поэтому сопернице подготовиться к встрече с Олесей очень трудно. Трудно угадать, каких приёмов от неё ожидать!

Мадина Казакова уже завершила спортивную карьеру. Но я обязательно хочу о ней рассказать. В 2004 году на Паралимпиаде в Афинах она выиграла золото. На сегодняшний день в женском дзюдо это единственная золотая медаль, которая досталась нашей стране. К огромному сожалению, на Паралимпиаду в Рио-де-Жанейро наши спортсмены не были допущены. Но я надеюсь, что на грядущих Паралимпиадах наши дзюдоистки смогут повторить успех Мадины.

У неё совсем небольшой остаток зрения. После завершения спортивной карьеры она стала работать в Министерстве по физической культуре и спорту Республики Дагестан.

Мы говорили о женщинах-дзюдоистках. Также хочется рассказать о единственном мужчине, завоевавшем паралимпийское золото для нашей страны. На Паралимпиаде в Пекине в 2008 году чемпионом стал Олег Крецул. В Афинах в 2004 году он был вторым. В 2012 году в Лондоне сражался за третье место, но проиграл. В 2016 году Олег готовился к Паралимпиаде в Рио-де-Жанейро... Ему 42 года, но из большого спорта он пока не уходит, готовится к новым стартам.

Особенностью биографии Олега является тот факт, что ему довелось быть членом не только паралимпийской, но и олимпийской команды. В 1996 году, ему был 21 год, он стал вице-чемпионом Европы по дзюдо, мастером спорта международного класса и принял участие в Олимпиаде в Атланте.

Но в 1997 году Олег попал в страшную автокатастрофу. Это произошло через несколько дней после свадьбы. Молодая супруга погибла. Олег получил многочисленные травмы лица и полностью лишился зрения. Уже через два года он возобновил полноценные тренировки. С 2001 года принимает участие в международных соревнованиях.

— *Такие люди как Олег Крецул, также как и Виктория Потапова и другие паралимпийцы, вызывают большой интерес СМИ.*

— Порой их сравнивают с Павкой Корчагиным, героем повести Николая Островского «Как закалялась сталь», и с самим писателем. Так же, как и Николай Островский,

эти люди не смирились со своей судьбой. Но всё-таки я упомянул Крецула не для того, чтобы описывать детали его биографии, а чтобы выразить надежду на новые паралимпийские золотые медали для сборной нашей страны. Надеюсь, что в следующей Паралимпиаде Россия всё-таки примет участие.

— *Вы известны как успешный тренер. А сами выходите на татами? Поддерживаете физическую форму?*

— Обязательно! И делаю это с большим удовольствием. В жизни тренера паралимпийцев физической активности много. Например, за день с Викторией Потаповой мы можем пробежать по двадцать-тридцать километров по пересечённой местности. Методика очень простая: она держит меня за локоть. Когда впереди какое-то препятствие, я прижимаю локоть к себе или, наоборот, отвожу его в сторону. Таким образом Вика знает, что препятствие необходимо обогнуть. Мы понимаем друг друга без слов и оба можем бежать молча, сосредоточившись на ритме бега.

— *Что вы думаете об отстранении российских спортсменов от Паралимпиады в Рио-де-Жанейро?*

— Об этом уже много говорилось. Разумеется, с допингом необходимо бороться. Но это международная, а не внутрироссийская проблема. В данном случае речь шла о коллективном наказании, коллективной порке. От соревнований отстранили всех паралимпийцев, хотя никому конкретно обвинений предъявлено не было.

Могу со всей ответственностью сказать, что в российском паралимпийском дзюдо никогда не было никаких скандалов с допингом. Ответственность за такие нарушения должна быть строго индивидуальная. Дискримина-

ция всех спортсменов страны — совершенно недопустимое явление.

К огромному сожалению, членство России в Международном паралимпийском комитете до сих пор не восстановлено. Мы все надеемся на участие в грядущих Паралимпиадах, но ясности в этом вопросе пока нет. В любом случае, паралимпийский спорт в нашей стране будет развиваться. Но хотелось бы восстановить единство международного паралимпийского движения, решить возникшие противоречия.

— *Ислам Исрапилович, что вы могли бы пожелать читателям «Школьного вестника»?*

— Для меня дзюдо — это больше, чем спорт. Это наука, искусство, образ жизни. Паралимпийское дзюдо — это гармония, реабилитация, красота, пластичность, мягкость и отточенность каждого движения...

Всем читателям я тоже желаю найти своё дело жизни. Прекрасно, если это дело жизни станет одновременно и отдушиной, и работой, и отдыхом.

НАЧАЛО ДОРОГИ НА КОСМОДРОМ

Сейчас в это трудно поверить, но «Первая мировая выставка межпланетных аппаратов и механизмов» проходила в Москве в мае 1927 года. Роман Алексея Толстого «Аэлита», а затем и выход на экраны кинофильма, снятого на его основе, пробудили бурный интерес к межпланетным путешествиям. В до отказа заполненной большой аудитории московского Политехнического музея один за другим проходили лекции, доклады и диспуты на эту тему. Великое противостояние Марса, которое произошло в августе 1924 года, тоже способствовало росту интереса к космической тематике. Все заговорили о таинственных каналах на поверхности Марса и о марсианах. Американский астроном Тодд даже предложил переключить аппаратуру всех военных радиостанций в мире на поиски сигналов с красной планеты.

Не удивительно, что на этом фоне стали возникать всевозможные общества и кружки по исследованию и завоеванию космического пространства. Страна ещё только начинала справляться с разрухой после Гражданской войны, не было научно-технического потенциала, который позволял бы превратить реактивные двигатели из мечты в реальность, ещё не была преодолена неграмотность населения, а в Москве уже существовало «Общество изучения межпланетных сообщений». Космическая романтика захватывала воображение, хотя в то время даже пионеры реактивного движения не имели ясного представления о трудностях космического полёта. Казалось, что достаточно только построить ракету — и дорога к звёздам открыта.

Самым крупным мероприятием, организованным энтузиастами космонавтики, стала «Первая международная выставка межпланетных аппаратов и механизмов». Её инициатором выступил давний друг Циолковского по переписке Александр Яковлевич Фёдоров. В 1909 году, ещё будучи студентом Киевского политехнического института, он увидел модели дирижаблей Циолковского и буквально заболел идеей воздухоплавания. Тогда же его как проявившего наиболее активный интерес к авиации избрали представителем Циолковского по делам воздухоплавания в Киеве, и он начал вести с Константином Эдуардовичем довольно оживлённую переписку. Александр Фёдоров оказался очень энергичным человеком. Он организовал инициативный кружок поддержки проекта дирижабля Циолковского, в котором в 1916 году было 75 студентов.

В царской России не было союзов изобретателей, и поэтому в первые послереволюционные годы изобретатели стихийно объединялись в самые фантастические клубы по интересам. Фёдоров, которого просто переполняли идеи и изобретательские прожекции, примкнул к Ассоциации изобретателей-инвентистов (АИИЗ) — «внеклассовой, аполитичной ассоциации космополитов Вселенной», как они сами себя называли. И он сразу же организовал при АИИЗ межпланетную секцию.

В АИИЗ Фёдоров познакомился с ещё одним авиатором, бредившим космическими полётами, — с Георгием Андреевичем Полевым. Вместе они задумали организовать к десятой годовщине Октябрьской революции большую выставку по космической тематике.

В январе 1927 года изобретатели разослали приглашения участвовать в выставке всем, кто занимался в то время ракетной техникой и интересовался проблемами

межпланетных сообщений: *«Выставком Межпланетного отдела Ассоциации Изобретателей-Инвентистов доводит до Вашего сведения о том, что 10 февраля 1927 года открывается первая мировая выставка моделей и механизмов межпланетных аппаратов конструкций изобретателей разных стран. „АИИЗу“ известно, что Вы работаете над проблемой космического полёта и, вероятно, не откажетесь принять горячее участие в организуемой нами выставке в виде своих трудов, как то: копий рукописей или печатных изданий, а также эскизами, чертежами, моделями, диаграммами и таблицами...»*

И материалы действительно поступили.

Американец Роберт Годдард, считавший ракеты исключительно своей «вотчиной», ответил сдержанно: «...Я рад узнать, что в России создано общество по исследованию межпланетных связей, и я буду рад сотрудничать в этой работе в пределах возможного. Однако печатный материал, касающийся проводимой сейчас работы или экспериментальных полётов, отсутствует».

Немцы, наоборот, с радостью поддержали организаторов. Инженер Вальтер Гоман (он известен тем, что математически обосновал способ перехода космического корабля между двумя орбитами с минимальными затратами топлива) писал: «Я интересуюсь вашим планом открытия выставки. Считаю правильным выявить первых творцов этой идеи».

Инициаторы выставки проявили незаурядную энергию. Вместе с пятью добровольными помощниками они увеличивали и печатали фотографии, строили модели космических кораблей и ракетных двигателей, чертили эскизы и диаграммы.

Выставка открылась в мае 1927 года. Спешащие по Тверской улице прохожие невольно замедляли шаг, увидев в витрине необыкновенную картину, на которой был изображён лунный пейзаж: на горизонте из-за острых пиков лунных гор выглядывал сине-зелёный диск Земли, у края большого кратера высилась космическая ракета, а неподалёку от неё, взобравшись на скалу, всматривался в лунные дали человек в скафандре. Под впечатлением таинственного пейзажа многие шли на выставку. Витрину оформил художник Иосиф Архипов. На выставке имелась и другая картина этого художника, на которой по оранжевой почве, синим растениям и бегущим вдаль каналам легко угадывались пейзажи Марса.

Сегодня многое из того, что было показано на выставке, кажется наивным. Изобретатели АИИЗ не представляли себе всех сложностей космических полётов, но искренне верили в его реальность и заражали своей уверенностью других. Заражали настолько, что в специальной книжке, куда предлагалось записываться желающим лететь на Луну, очень быстро выросли длинные столбики фамилий. И ведь наверняка многие из этих людей дожили до первой высадки человека на Луне!

Желающие стать первопроходцами Вселенной записывались в очередь на полёт на Луну, а скептики посмеивались над их наивностью. В газетных репортажах похвала организаторам была перемешана с иронией. «Слушаешь все это, — писал репортёр, — и представляешь себе кассу станции межпланетных сообщений. К ней подходит человек и, спокойно попыхивая папироской, небрежно бросает: “А дайте-ка мне билет на ракету-экспресс — до Луны и обратно”...»

Проекты самих организаторов, Фёдорова и Полевого, воспринимаются сейчас как описание летательных аппаратов из научно-фантастического романа, написанного в начале прошлого века.

Фёдоров приехал в Москву с проектом атомного «ракетомобиля». Двигатель этого аппарата должен был работать на электрохимической энергии, представляющей собою результат использования внутриатомных процессов (стоит вспомнить, что к тому моменту была уже разработана теория радиоактивного распада, а Резерфорд наблюдал искусственное превращение ядер). «Ракетомобиль» (длина — 60 м, диаметр — 8 м) имел обтекаемую форму, поскольку ему предстояло стартовать с Земли, разгоняясь до 1 000 км/ч в атмосфере, а далее — до 25 км/с.

Фёдоров рассчитывал свой аппарат на шесть человек, вес с топливом — 80 т. В пределах атмосферы полёт осуществлялся тягой пропеллеров и подъёмной силой крыльев. В пустоте межпланетного пространства винты и крылья убирались. Он задумывал «ракетомобиль» не только для межпланетных сообщений, но и для межзвёздных перелётов, полагая, что аппарат на внутриатомной энергии способен преодолеть огромные расстояния, выйдя в дальний космос.

Полевой предложил целый набор изобретений: «ракетомобиль», «космостанцию» и космический скафандр.

В основе комплекса Полевого лежит совсем иной физический принцип. Ещё в 1913 году изобретатель решил использовать свойство соленоида (разновидность катушки индуктивности) выталкивать металлические предметы для создания мощнейшей электромагнитной пушки, которая позволит забрасывать снаряды на кос-

мическую высоту. К 1927 году изобретение обрело законченный вид.

Космостанция (электромагнитная пушка) Полевого представляла собой проделанный в горном массиве «компрессорно-соленоидный» тоннель, в котором по направляющим рельсам скользит особый вагон, заключённый в железный панцирь обтекаемой формы. Пушка сообщает «панцирно-реактивному» вагону скорость до 1 600 м/с. При этом скорость поддерживается горением «реактивных труб», выходящих из панциря наружу. Достигнув высоты 150 км, панцирь автоматически раскрывается и происходит зажигание во всех трубах. «Ракетомобиль» уходит в космос, постепенно развивая скорость до 11 км/с, а панцирь на парашюте падает вниз и может быть использован повторно.

В пояснительной записке к проекту изобретатель указывал, что благодаря начальному импульсу, полученному «ракетомобилем» от космостанции, он поднимается по инерции на большую высоту, где сопротивление среды будет уже незначительным. Значит, для сообщения вагону космической скорости потребуются немного горючих веществ. Кроме того, отсутствие пропеллеров и других выступающих частей в межпланетном вагоне делает его лёгким и сравнительно небольшим, что облегчает маневрирование и возвращение на Землю, которое будет осуществляться планированием с участием двигателей торможения.

Выставка на Тверской стала важным событием для энтузиастов космонавтики. Она подводила своеобразный итог всем работам в этой области к середине 1920-х годов. Но при этом смело заглядывала в будущее. Рассматривая сегодня её экспонаты, можно только удивлять-

ся, как сумели энтузиасты двадцатых годов предвидеть пути дальнейшего развития ракетной техники в ближайшие десятилетия.

Выставку открывал отдел, посвящённый астрономии. Ведь посетителей надо было хоть немного познакомить с окрестностями нашей планеты. У космонавтики была своя предыстория: воздухоплавание и авиация. На стендах и в витринах наброски летательной машины Леонардо да Винчи, воздушный шар братьев Монгольфье и сферический аэростат Бланшара. (Этот смельчак полагал, что полётом можно управлять, загребая воздух вёслами.) Дальше — планер Отто Лилиенталя, аэроплан братьев Райт и «летающие этажерки» различных систем. Перелёт Луи Блерио через Ла-Манш, пассажирский металлический самолет ЦАГИ (Центральный аэрогидродинамический институт им. профессора Н.Е. Жуковского — крупнейший государственный научный авиационный центр России).

В отдельной витрине показан проект революционера-народника Николая Кибальчича: схема и макет реактивного летательного аппарата по его наброску, сделанному в каземате Петропавловской крепости в 1880 году. Кибальчич ясно высказал идею реактивного полёта, указал принцип движения и управления, то есть подвёл под авиацию конкретный фундамент почти за полвека до «открытия» той же идеи на Западе. Но он был далёк от мысли о космическом полёте. Это великое открытие сделал Константин Эдуардович Циолковский.

В особом разделе выставки, названном «Изобретательно-конструкторский период», демонстрируются макет аэроплана-ракеты Цандера (СССР) и чертежи его устройства, проекты Улинского (Австрия), Графинье и

Эсно-Пельтри (Франция), Оберта и Валье (Германия), Уэльша (Англия) и Годдарда (США). Только макеты, изготовленные по имевшимся и полученным чертежам и описаниям. Но посетители выставки и не ожидали увидеть здесь подлинный космический корабль.

Постройка любого, от самого небольшого до самого грандиозного технического сооружения начинается с модели. Трудно не согласиться со словами К. Э. Циолковского: «Сначала неизбежно идут: мысль, фантазия, сказка. За ними шествует научный расчёт, и уже, в конце концов, исполнение венчает мысль». Выставка 1927 года отражала этап, предшествующий точному научному расчёту. Но это уже было дело будущего.

Почётное место на выставке изобретатели отвели работам Константина Эдуардовича Циолковского. Поместили бюст великого учёного работы художника И.П. Архипова. (Кстати, это — единственный скульптурный портрет Циолковского, выполненный с натуры.) Один макет показывал внешний вид пассажирской космической ракеты, другой — её внутреннее устройство. Поместили схемы различных ракет, чертежи, фотографии и брошюры К.Э. Циолковского.

По итогам выставки её организаторы выпустили отчёт, который был разослан всем, кто прислал заявки. Помимо различных чертежей и описаний к ним в нём содержались доброжелательные отзывы посетителей, характеризующие и самих посетителей, и эпоху, в которой всё это происходило:

«Экскурсия от месткома Апаковского трамв. парка.

Просмотрев выставку, констатируем её полезность, но ставим недочётом малую площадь помещения и

недостаток средств, отпущенных на её устройство. Кроме того, часть экскурсантов, познакомившись с деятельностью Циолковского, находит необходимым повысить пенсию на его содержание. Экскурсия парка, совместно с работницами Донбасса, находит нужным пополнить выставку не только моделями, но и оригиналами, т. е. телескопами и т. п. Находим желательным в объяснении лектора иностранные слова заменять русскими».

Агент газеты «Рабочая Москва» Саломея Ворткин изобретателю Фёдорову: *«Я хочу лететь с вами при первом полёте. Желание это серьёзное. Как только услышу о том, что Вы готовы, я буду всеми силами добиваться, чтобы Вы взяли и меня. Прошу не препятствовать исполнению моего желания».*

Артист 3-й госкино-студии Сетр: «Ярко обставлена выставка. Желательно было бы, чтобы первыми достигли Луны наши изобретатели».

В этом же отчёте приводится приблизительный план работ по решению задач полёта в космос. В заключении организаторы выставки пишут:

«Подобно тому, как современный аэроплан явился результатом работы многих людей, которые нашли наилучшие типы крыльев, винта, двигателя, управления, условий полёта, взлёта, спуска и т. п., так и при решении задачи о полёте ракеты в межпланетное пространство придётся в гораздо большей степени и с затратой гораздо больших средств произвести ряд работ.

Стимулом для производства будущих межпланетных полётов являются разнообразные научные цели: исследование верхних слоёв атмосферы, свойств среды за атмосферой, космических лучей, астрономические наблюдения, наконец, полёты на планеты.

Вопрос межпланетных сообщений представляет громадный научный интерес; его следует теперь же исследовать, и так как разрешение его не под силу одному человеку, то целесообразно было бы учредить национальный или международный Институт Межпланетных Сообщений».

Долго ждать энтузиастам не пришлось. Но в этот институт никто из них не попал: его штат складывался не из романтических мечтателей, а из суровых практиков. В 1928 году декан факультета воздушных сообщений и популяризатор космонавтики Николай Алексеевич Рынин объявил об открытии при Ленинградском институте инженеров путей сообщения Секции межпланетных сообщений, в рамках которой в 1929 году была организована первая лаборатория, её главной которой было изучение вопросов реактивного движения. Фактически с этого момента начала работу ЛенГИРД — Ленинградская группа изучения реактивного движения, которая вела вполне серьёзную работу по воплощению идей Циолковского в жизнь.

От момента открытия «Первой мировой выставки межпланетных аппаратов и механизмов» до полёта в 1957 году первого искусственного спутника Земли, поднятого на космическую высоту реактивным двигателем, оставалось ещё 30 лет.

По материалам книг

СОБОЛИНАЯ ТАЙГА

*Первому в истории России Баргузинскому
заповеднику исполнилось 100 лет*

ЗАПОВЕДНОЕ ПОДЛЕМОРЬЕ

В старину Байкал называли морем, а его северо-восточный берег между устьями рек Томпуда и Чивыркуй называют просто по-сказочному — Подлеморье. Это самое холодное место на побережье озера, климат здесь почти такой же, как на побережье Охотского моря. Лёд у берегов Подлеморья сходит только к середине июня.

Раскинулись просторы Подлеморья между Байкалом и Баргузинским хребтом. Южные отроги хребта обрываются на берегу озера скалистыми утёсами, а северные на десятки километров уходят в тайгу. Главный гребень хребта сильно расчленён и приподнят на большую высоту. Одна из его вершин достигает высоты 2 840 м над уровнем моря. Заснеженные острокопечные вершины хребта дают начало многочисленным ручьям и рекам.

Рядом со снегами, на обширных каменистых россыпях, как зелёные лоскуты, разбросаны альпийские луга. С высоты в 1 500 м над уровнем моря тёмными языками сползают по склонам заросли кедрового стланика. На высоте 1 000 — 1 200 м начинается подлеморская тайга. По её верхней границе — редколесье из каменной берёзы, внизу по склонам гор его сменяет тёмнохвойная тайга с кедрами и пихтами. У самого

берега Байкала раскинулась светлохвойная тайга, здесь главные — сосны и лиственницы. В Подлеморье много горячих источников с температурой от 40 до 70 градусов.

Прекрасно всё Подлеморье, но есть у него и своя жемчужина — Баргузинский заповедник. Своим возникновением он обязан соболю. Этот небольшой хищный зверёк издавна был в почёте на Руси. В XVIII веке его изображение появилось даже на гербах некоторых уральских и многих сибирских городов. Заслужил он такую честь за свой ценный мех, который не только очень красив, но и прочен. По цене его приравнивали к золоту. Знаменитая шапка Мономаха украшена именно соболиным мехом, а самым дорогим царским подарком на Руси считалась соболиная шуба.

Экспорт пушнины всегда был существенной статьёй дохода Российского государства. Но в конце XIX — начале XX века массовая добыча баргузинского соболя привела к катастрофе — его численность быстро снижалась. На громадной территории Подлеморья в самых труднодоступных местах уцелело всего несколько десятков соболей. Прежде соболь заселял огромную территорию от Северного Приуралья до Сахалина, теперь он оказался на грани исчезновения, об этом и сообщал иркутский генерал-губернатор в своём докладе Николаю II. Меры были приняты незамедлительно: в 1912 году соболиный промысел правительственным указом был запрещён на три года, а Совет министров, чтобы сохранить зверька с «золотым» мехом, признал «неотложность выделения так называемых заповедных участков для охраны соболя».

В 1913 году Департамент земледелия учредил три крупные экспедиции для организации специальных соболиных заповедников — Баргузинскую, Саянскую и Камчатскую. Они должны были обследовать районы обитания соболя, произвести учёт его численности и найти места, пригодные для организации заповедников.

Руководителем Баргузинской экспедиции был назначен Георгий Георгиевич Доппельмаир. В её состав входили также К.А. Забелин, З.Ф. Сватош, А.Д. Батурин, Д.Н. Александров. Это были молодые и энергичные люди, самому старшему, Г.Г. Доппельмаиру, было 34 года. Тогда участники экспедиции и не предполагали, что Г.Г. Доппельмаир станет классиком русской охотоведческой школы, а К.А. Забелину и З.Ф. Сватошу выпадет честь быть первыми руководителями первого в России заповедника — Баргузинского.

В начале июня 1914 года экспедиция высадилась на берегу Байкала в бухте Сосновка. В сложнейших условиях учёные вели серьёзную изыскательскую работу — проводили исследования и описания района, составляли карту местности, собирали образцы растений, изучали зверей и птиц. По непроходимой тайге они перемещались пешком и на лошадях. В дневниках экспедиции можно прочитать: «Движение вьючного каравана происходило таким образом, что вперёд посылалась партия рабочих, которые рубили просеку и делали затёсы, по её следам двигался караван».

В 1915 году в бухте Сосновка началось строительство домов для работников будущего заповедника и питомника для соболей. Почти два года учёные само-

отверженно проводили изыскания, и результатом их работы стал проект заповедника.

Осенью 1916 года в России был принят первый правовой акт, регламентирующий порядок создания и функционирования заповедников «Об установлении правил об охотничьих заповедниках», опубликованный в издаваемом при Правительствующем Сенате «Собрании узаконений и распоряжений Правительства» № 304 от 30 октября 1916 года.

А 29 декабря 1916 года (11 января 1917 года по новому стилю) в России создаётся (обратите внимание, что это было в разгар Первой мировой войны) первый в истории страны общегосударственный заповедник — Баргузинский, на берегу Байкала, функционирующий и сегодня. Текст этого исторического решения начинался так: «Министр земледелия, 29 декабря 1916 г., представил Правительствующему Сенату об установлении Баргузинского заповедника, в Забайкальской области, Баргузинского уезда, расположенного по северу-восточному побережью Байкала в нижеследующих границах...»

Баргузинский заповедник стал не только первым государственным заповедником в России, но и единственным, получившим статус государственного в царской России. В год создания заповедника на его территории едва можно было насчитать 20 — 30 особей ценного зверька. В конце XX столетия его численность приближалась к 1 200 особям, как в лучшую пору, в настоящее время 1 — 2 особи на 1 кв. км.

После создания заповедника эвенков, которые жили в Подлеморье на землях, отошедших заповеднику, переселили севернее — на реки Томпуду, Северный

Амнундакан и Ширильда, где им предоставили новые земли взамен изъятых.

Первым директором Баргузинского заповедника был назначен участник изыскательской экспедиции охотовед Константин Алексеевич Забелин (1885 — 1934). Ему и его сотрудникам пришлось работать в очень сложных условиях. Российский зоолог Зенон Францевич Сватош (1886 — 1949), сменивший в 1924 году Забелина на посту директора, писал: «Местность заповедника и охотничьего участка мрачная, дикая тайга, передвижение по которой возможно зимой только на лыжах и летом пешком». Значительная удалённость от жилых мест тоже доставляла работникам заповедника немало трудностей.

В годы революции 1917 года и Гражданской войны заповедник был на грани гибели. Был уничтожен соболиный питомник, а за один только 1920 год убили почти 200 соболей. Чуть ли не каждый год заповедник переходил в ведение самых разных организаций, пока в 1926 году не было принято Постановление СНК РСФСР о создании «Баргузинского государственного соболиного заповедника» на территории ранее существовавшего Баргузинского охотничьего заповедника с научно-промысловой станцией и питомником промысловых животных при нём и охотничьего эксплуатационного участка. Заповедник отдали в подчинение Восточно-Сибирского зверокомбината, начали работу 17 егерей и два научных сотрудника.

Уже к 1934 году соболь заселил все пригодные для обитания места, хотя и не достиг ещё оптимальной плотности своего расселения. В ту пору Баргузинский хребет был единственным районом Восточной Сибири,

где поголовье соболя нарастало, во всех остальных очагах обитания наблюдалось катастрофическое сокращение его численности, вплоть до полного исчезновения. Через 25 лет после организации заповедника соболь заселил все лесные угодья Баргузинского хребта. Здесь его ареал был полностью восстановлен.

В 1944 году заповедник был официально отнесён к категории научно-исследовательских учреждений, хотя научные работы на этой территории основатели заповедника начинали ещё в 1914 году. С этого времени исследования всего природного комплекса заповедника проводятся постоянно.

Решением президиума Международного координационного совета программы «Человек и биосфера» (ЮНЕСКО) 23 мая 1986 года Баргузинскому государственному заповеднику присвоен статус биосферного. В 1993 году заповедник включён в международную сеть биосферных резерватов. В 1996 году территория заповедника полностью вошла в состав объекта Всемирного природного наследия ЮНЕСКО «Озеро Байкал». Поэтому не случайно, начиная с 1997 года, день образования Баргузинского заповедника отмечается в Российской Федерации как День заповедников и национальных парков.

«СЛАВНОЕ МОРЕ, СВЯЩЕННЫЙ БАЙКАЛ»

Часть Баргузинского заповедника находится прямо в воде. Почти на 100 км тянется вдоль Подлеморья трёхкилометровая полоса заповедных вод Байкала. Это уникальное озеро имеет колоссальные размеры: его

длина — 636 км, максимальная ширина — 80 км, площадь — 31,5 тыс. кв.км. И по глубине нет озера, равного Байкалу. Его наибольшая глубина — 1 620 м. По объёму воды Байкал в 95 раз больше Азовского моря. Недаром в народе Байкал называют морем. В Байкале сосредоточена 1/5 лучших пресных вод нашей планеты.

Огромный Байкал оказывает большое влияние на климат своих побережий, а в Баргузинском заповеднике это влияние ощущается особенно сильно. Здесь самая низкая на всём байкальском побережье среднегодовая температура $-4,4^{\circ}\text{C}$. Байкал влияет и на погоду в Подлеморье. Лето он делает прохладным (средняя температура августа $+12,5^{\circ}\text{C}$) и на редкость пасмурным и дождливым. Высокий гребень Баргузинского хребта преграждает путь низким облакам, несущим влагу с озера, и она проливается на территории заповедника частыми морозящими дождями и густыми туманами. Влияние Байкала сказывается и зимой, она продолжительная и снежная, высота снежного покрова достигает полутора метров.

Огромная масса воды озера медленно отдаёт накопленное за лето тепло, и даже в ноябре, когда начинаются штормы и метели, температура поверхностных вод равна $+4,5^{\circ}\text{C}$. Байкал у берегов Баргузинского заповедника замерзает лишь в январе, когда морозы достигают -30°C .

Весна на побережье холодная и поздняя. Даже в начале июня деревья не покрываются листвой, потому что ветры с Байкала, который едва освободился ото льда, несут на побережье холод. В августе, самом тёплом месяце Подлеморья, температура воды на по-

верхности не бывает выше +15°C. Резкое различие климатических условий Байкала вызывает образование сильных местных горных ветров. И у каждого есть своё имя. Так, например, северо-восточный ветер, дующий из долины реки Баргузин, даже воспет в песне: «Эй, баргузин, пошевеливай вал...»

На языке якутов Байкал означает «богатое море». Но Байкал богат не только водой. В его водах обитает более 1 550 видов животных и около 1 000 видов растений, 3/4 которых присущи только Байкалу. Например, веслоногие рачки эпишура, которым Байкал обязан чистотой своей воды и которые больше нигде в мире не встречаются. Эти животные, обитающие в верхних толщах воды, чрезвычайно малы: длина их тела всего 1 мм. Эпишура питается водорослями, которые вызывают «цветение» воды, и тем самым производят биологическую очистку воды озера. В течение года эти рачки делают чистой несколько тысяч кубических километров воды!

Эпишура, бокоплав и другие мелкие беспозвоночные, населяющие Байкал и составляющие его планктон, служат пищей байкальским рыбам заповедной акватории. Планктоном кормятся омуль и голомянка, молодь хариуса, сига, осетра, тайменя и других рыб озера (всего 50 видов). Из всех рыб, обитающих в водах заповедника, самые интересные — живородящие рыбки голомянки, большая и малая. Они тоже встречаются только в Байкале. Бледно-розовое тело голомянок лишено чешуи, и через тонкую кожицу можно разглядеть рыбий скелет. Длина тела большой голомянки около 20 см, а малой — 14 см. Рыбки имеют огромные прозрачные плавники, с их помощью они способны «парить» в толще воды.

Обитает большая голомянка на глубине до 750 м, а малая голомянка — до 1000 м. Днём она плавает на больших глубинах, где температура круглый год держится около $+3,5^{\circ}\text{C}$, а ночью поднимается за кормом на глубину 50 — 100 м.

В начале лета, когда приходит пора размножения, голомянки всплывают к самой поверхности озера. От резкого изменения давления кожа на брюшке лопается и оттуда выталкиваются живые мальки. Почти все голомянки после рождения потомства погибают. Но мёртвая рыбка не тонет, настолько много содержится в ней жира. Массу погибшей рыбы выбрасывают волны на берег, где ею кормятся лесные обитатели заповедника.

В заповедных водах обитает и главная промысловая рыба Байкала — омуль. Многие тысячелетия назад эта крупная рыба перекочевала в озеро из Северного Ледовитого океана. Она приспособилась к новым условиям среды и стала вести озёрно-речной образ жизни. От своих морских сородичей байкальский подвид омуля отличается относительно крупными глазами и массой — от 0,5 до 1,0 кг. Зимой байкальский омуль проводит на глубине, а весной и летом поднимается в верхние слои воды и держится у самых берегов. В конце осени пяти-девятилетние омули устремляются в реки на нерест. Омуль откладывает до 30 тыс. икринок, после чего обычно погибает или снова уходит в озеро. Всю зиму оплодотворённая икра покоится на дне нерестилищ. Весной появившиеся на свет мальки скатываются к устью рек, там откармливаются и уходят в глубины Байкала.

К числу диковинок акватории Баргузинского заповедника можно отнести и типичного обитателя Байкала — нерпу, точнее, байкальского тюленя. Эти единственные водные млекопитающие озера весят 100 кг при длине тела 1,5 м. Некоторые зоологи считают, что байкальский тюлень, как и омуль, переселился сюда в ледниковое время из Северного Ледовитого океана. На побережье заповедника есть лежбища тюленей. Ранней весной вдали от берега на белой поверхности озера можно видеть бурые точки греющихся на солнце животных. При малейшей опасности они ныряют в воду через отдушины, которые делают во льду. Зимой тюлени почти не выходят на поверхность льда. Низкие температуры воздуха заставляют их почти всё время находиться под водой. В конце марта среди ледяных торосов, под снежным куполом специально устроенного логова у тюленей появляется по одному детёнышу. Новорождённые, которых за белый пушистый мех называют бельками, беспомощны лишь в первые часы жизни. Вскоре они, как взрослые, ловко ныряют и плавают.

В БАРГУЗИНСКОЙ ТАЙГЕ

Тайга покрывает отроги Баргузинского хребта от самых берегов Байкала до высоты 1 200 м над уровнем моря. Главное украшение и богатство Подлеморья — тёмнохвойная тайга. Могучие кедры, стройные пихты и ели достигают тридцати метров. Они коренные сибиряки и поэтому не боятся ни ураганных ветров, ни суровых температур. Их так и называют — ель сибирская, пихта сибирская, кедр сибирский.

Стоит сразу оговориться, что настоящие кедры растут в Гималаях и странах Средиземноморья и в наших лесах они не встречаются. Наш кедр правильнее называть сибирской кедровой сосной. И у обыкновенной сосны, и у сибирской хвоя растёт пучками. У обыкновенной сосны две хвоинки в пучке, а у сибирской — пять. Кора у кедровой сосны не красноватого, а серебристого цвета. Про сибирский кедр говорят, что он кормит всех таёжных животных: бурундука, соболя, медведя и многих птиц.

В тёмнохвойной тайге под густыми ветвями кедров, пихт и елей всегда царят сумрак, покой и тишина. Нет ни кустов, ни буйных трав, почву покрывают только мхи, лишайники, грибы и редко папоротники. Причудливые переплетения мощных корней соседствуют с замшелыми стволами упавших деревьев-великанов и обломанными ветром ветками. Продвигаться в этом лесу невероятно трудно: мешают скрытые под покровом мхов корни и камни и торчащие в разные стороны сухие ветки и сучья, в воздухе вьются неисчислимые полчища комаров и мошкары. Птичьих голосов не слышно. Лишь изредка тишину нарушает резкий крик кедровки или стук дятла. Поползни, синицы и пеночки предпочитают жить повыше, в кронах деревьев. На землю они почти не спускаются, так как корма для них тут очень мало.

Заповедная дремучая тайга, несмотря на её безмолвие, полна жизни. По веткам кедров прыгают белки, молнией проносится в погоне за добычей горностай, рядом с кучей валежника столбиком застыл полосатый бурундук. С приходом вечера выбралась из дупла

большеглазая белка-летяга и в поисках пищи спланировала на соседнее дерево.

Но тёмнохвойная подлёморская тайга — это прежде всего царство соболя. Этого осторожного и ловкого хищника увидеть летом в таёжных дебрях почти невозможно. Он ведёт скрытый образ жизни. Гнёзда устраивает в дуплах хвойных деревьев, где летом выводит своё потомство. На охоту выходит обычно в предрассветные сумерки, предпочитая передвигаться по земле. Соболю быстро скачет по бурелому, непроходимым зарослям кедрового стланика, разыскивая гнёзда птиц и норы мышевидных грызунов. Зимой в питании этого хищника присутствуют также кедровые орехи, ягоды брусники, рябины и черники. Летом он предпочитает кормиться белками, полёвками и другими грызунами. Кроме того, соболю умело ловит рябчиков и глухарей, добывает более мелких своих собратьев — горностаю и колонку.

Известны случаи, когда жертвой соболя становилась кабарга — самый мелкий из оленей, обитающих в нашей стране. Длина её тела обычно не превышает 1 м, а масса 15 — 20 кг. В отличие от всех других оленей у кабарги нет рогов, а у самцов есть клыки. От своих преследователей кабарга спасается бегством по таёжному бурелому и нагромождениям камней. В горной тайге кабарга является непревзойдённым скалолазом. В случае крайней опасности она ловко заскакивает на крохотные уступы и вершины скал, куда не могут подобраться такие хищники, как соболю, волк, россомаха.

Из копытных животных, кроме кабарги, по всей территории заповедного Подлёморья встречаются лось, таёжный северный олень, реже изюбр. В разные сезо-

ны года они в поисках корма то поднимаются в высокогорья, то выходят к Байкалу, задерживаясь на обширных высокотравных лугах — еланях. Их довольно часто можно встретить вдоль рек заповедника в поясе тёмнохвойной тайги. Сочные травы достигают здесь человеческого роста и привлекают к себе многих животных.

Особенно любят лакомиться сладкими стеблями трав бурые медведи. На еланях можно видеть медведицу с медвежатами и годовалым медвежонком-пестуном. Старший помогает матери воспитывать несмышлёных малышей, которые так и норовят куда-нибудь скрыться. Медведи многочисленны в заповеднике. Считают, что нигде больше в Сибири не живёт их так много, как в Подлеморье. Эти животные привольно себя чувствуют на обширной территории заповедника. Зимнюю берлогу медведи устраивают в глухих уголках тайги, где проводят всю зиму. В мае-июне большое количество этих зверей выходит на побережье Байкала, чтобы полакомиться икрой бычков, ручейниками и другими дарами озера. Медведи всеядны, поэтому в пищу используют как растительные, так и животные корма. Нередко медведей можно застать на берегу бурлящих рек заповедника. Там они ловко ловят заходящих весной на нерест тайменей и хариусов.

В прибрежной части заповедника тёмнохвойная тайга постепенно сменяется лиственничниками и сосновыми борами. В лиственничниках и сосняках больше света. Деревья стоят дальше друг от друга, а хвоя их прозрачнее и бледнее. Солнечные лучи свободно проникают под ажурные кроны деревьев, освещают

сплошной ковёр зелёных мхов, брусники и серовато-белого ягеля. В течение всего года здесь можно встретить много таёжных обитателей. Коренной пернатый житель светлохвойной тайги — белокрылый клёст. Чаще других попадаются трёхпалый и чёрный дятлы, синица, каменный глухарь, а также ястреб-тетеревятник и орлан-белохвост — редкая птица нашей страны. Из зверей здесь обычен таёжный северный олень.

В одиннадцати местах на территории заповедника баргузинскую тайгу пересекают долины рек. По ним высоко в горы поднимаются от Байкала кедровый стланик и лиственница. В верхнем течении рек их сменяют сначала тёмные ельники, а затем снова заросли кедрового стланика, буйно разросшегося в субальпийском поясе Баргузинского хребта. Здесь раскинулись просторы высокогорий Подлеморья.

Сотрудники заповедника занимаются не только охраной, но и большой научной работой. Их интересуют все стороны жизни природы: толщина льда на Байкале, время нереста разных видов рыб, количество медвежат в берлогах, урожай кедровых орехов, состояние ягодников, соболиные жилища, места обитания оленей. Все наблюдения заносятся в так называемую «Летопись природы» — основной научный документ, в котором собраны все результаты наблюдений за природными процессами и явлениями на территории заповедника. Она помогает выстраивать закономерности, делать выводы, а иногда и прогнозировать события.

Сохранить природные сокровища Баргузинского заповедника его сотрудникам помогает сама природа: эти места практически недоступны. Преодолеть завалы упавших стволов, заросли лиственных кустарников и кедро-

вого стланика, каменистые осыпи и крутые подъёмы по плечу не каждому. Но если кто и отважится пройти заповедными тропами, то за день больше 8 километров ему не одолеть.

Вот уже больше 100 лет природа здесь живёт без вмешательства человека. В заповеднике нет даже просёлочных дорог, есть только узкие звериные тропы, по ним иногда отваживаются пройти отчаянные туристы в сопровождении проводника. Пускаться в самостоятельное путешествие довольно рискованно: можно заблудиться или встретиться с хозяином тайги — бурым медведем. По данным на 2010 год, в заповеднике обитает 190 особей.

Чтобы посетить заповедник, необходимо подать заявку в письменном виде в дирекцию. На территории заповедника, можно перемещаться только по разрешённым тропам, разводить костры и ставить палатки только на специально оборудованных для этого местах. Здесь запрещено рыболовство, охота, заготовка дров, свободный выгул собак, проезд автотранспорта и снегоходов.

ЕГО АИСТЫ

Часто в сутолоке городов, в суете жизни я вспоминаю человека с редкой фамилией Дяг. Человек этот врезался в память и был на экране, хотя об этом и не помышлял; если бы знал, что его покажут, страшно возмутился бы и обиделся. Всякое внешне эффектное проявление жизни Дяга мало интересовало. Его волновала природа и всё, что связано с её жизнью и смертью. Дяг жил в русской деревне в средней полосе. И держал у себя удивительную живность. Было ему пятнадцать лет.

Мы снимали эпизод, когда за укрытие крестьянами комиссара белогвардейская банда сжигает деревню. Ужасы этого бедствия, естественно, должны были запечатлеться на экране во всех подробностях как обличительный документ истории. Самым главным кадром я считал один: когда горит деревня и грачи спасают из гнезда своих только что вылупившихся птенцов. Мы долго обсуждали с оператором, как организовать съёмки такого кадра. И оператор, молодой ищущий художник, яростно протестовал против грачей.

— Это будет маловыразительно, — говорил он. — Нужно искать аистов. Аист — символ мирной домовитой жизни. Да и для пластики кино это больше подходит.

Остановились на аистах и стали думать, где их достать. В кино для такого рода дел существует много людей, умеющих добывать невероятное. Решили послать ассистентов на Украину и в Прибалтику, а сначала я попросил своих помощников поискать аистов в данной области. Вскоре один из них нашёл, где живут птицы. Но владелец не да-

вал их для съёмки. Так состоялось знакомство с Дягом.

Мы приехали к нему ранним летним утром. Светило солнце. Мускулистый подросток сидел на пороге бревенчатой избы, вытянув босые ноги и подставив лицо солнцу. Мышцы бугрили шоколадное от загара тело. Белые соломенные волосы копнились на голове. Когда скрипнула калитка, Дяг встал и неторопливо пошёл нам навстречу. Дяг шёл по росистой траве, играя мускулами. Двор поразил меня своими обитателями. У сарая бродили облезлая волчица, лосёнок. На шиферной крыше сидел аист. Дяг протянул мне руку. Его шершавая широкая ладонь бережно ответила на рукопожатие, словно Дяг боялся причинить мне боль. Протянутую руку ассистента он вдруг почему-то отвёл в сторону. И вообще, взглянув на него, вдруг насупился.

— Ну, у вас и хозяйство, — сказал я.

Дяг молча, с отчуждённым видом уселся на крыльце. Мне ничего не оставалось, как последовать его примеру.

— Живём мирно, — сказал Дяг.

— А как же вы всех их кормите? — спросил я, не зная, что ещё спросить для начала разговора.

— Деревня кормит, — сказал он. — Я их учу уму-разуму.

— Дрессируете?

— Разговариваю с ними по-доброму. Они понимают и промеж себя слова толкуют. Земфира, — нараспев ласково позвал он.

Облезлая волчица подняла голову — весь этот живой мир стоял и глазел на нас, как обычно смотрят люди на неожиданных гостей, не зная, куда их пригласить и чем угостить.

Земфира подошла к Дягу и положила ему морду на колени. Глаза её смотрели на Дяга преданно.

— Дай ему лапу, — сказал Дяг, кивнув в мою сторону. Волчица встала на задние лапы и подала мне лапу. Я пожал и непринуждённо расхохотался, чтобы не показать, что всё происходящее меня держит в напряжении. Потом мы сидели в избе, пили чай.

— Нам нужны аисты, — сказал я. — Вы для нас просто находка. У вас аисты и их потомство.

— В наши края забрели откуда-то, горемыки, — сказал Дяг про птиц, косо и недружелюбно посмотрев на ассистента. — Но я всё ему высказал.

— Я знаю, поэтому и приехал. Значит, вы не хотите дать аистов для съёмки?

— Нет, — сказал он. — Зачем их мучить? Это же живые птицы, а не чучела. А вы их жечь будете...

— Никто их не будет жечь, — сказал я. — У них задача другая.

— Где огонь, там возможен и случай, — сказал Дяг. — Они у меня огня не видели.

Мы помолчали. Я отхлебнул чай.

— Мы, конечно, вам заплатим, — сказал я. — У нас птицы есть в смете.

— А зачем мне платить? — искренне удивился Дяг. — Я бы и так птицу дал. Если бы на доброе дело.

— Мы вам хорошо заплатим, — сказал я, стараясь произнести это как можно деликатнее.

— А зачем мне деньги?

— Ну, птицу кормить будешь, — сказал ассистент. — И всяких других тварей.

Он разговаривал с ним как с недотёпой.

— Деревня кормит, — повторил Дяг.

— Что же делать? — спросил я, взглянув в голубые простодушные глаза Дяга.

Дяг пожал голыми плечами. Дверь открылась — просунулась морда лосёнка.

— Ну, пойдём уроки учить, — сказал Дяг, встал и без обычных в таких случаях фальшивых извинений отправился во двор, оставив нас за чаепитием. В раскрытое окно доносился ласковый голос Дяга. Я увидел в его руке курицу. Он поднёс её к морде лосёнка — тот норovil её боднуть, а Дяг поднимал указательный палец и делал ему выговор:

— Нельзя, Алексей! Она твоя сестра. Нельзя.

— Что же делать с аистами? — спросил я, возвращаясь к своим мыслям.

— Надо с председателем решать, — сказал ассистент, — из этого Дяга ничего не выкачаешь. Пойдёмте к председателю — его Дяг слушает. Председателя здесь уважают. Толковый мужик.

Председатель пошёл нам навстречу и уговорил-таки Дяга согласиться дать аистов и их потомство для съёмок. Снимали эпизод вечером, чтобы горящее дерево запечатлеть эффектно. Дерево сделано бутафорское — с разлапистыми ветками и без листвы для графичности. Установили гнездо. Облили ствол керосином. Как только огонь охватит ствол — ассистент выпустит аистов и они полетят к своим птенцам. Когда они закружат над гнездом, включится камера и начнётся съёмка. Всё было готово.

Дяг принёс своих питомцев сам. Он отказался ехать с нами на машине, сказав, что от такой духоты птица может задохнуться.

Пришёл он на съёмочную площадку из своей деревни пешком. Одет был Дяг в чистую ситцевую рубашку и полосатые брюки. До начала съёмки Дяг взволнованно

крутил головой и всё о чём-то беседовал со своими птицами. Когда отдавал взрослых аистов ассистенту, то пригрозил ему кулачищем. Сам устроил птенцов на кинодереве. На пиротехника, который должен был поджигать ствол, смотрел с укором. Осветители поставили цветные фильтры, чтобы отчётливее выделялись на экране синева ночи и багровость пожара.

— Ну что ж, попробуем снять, — сказал я оператору и махнул рукой пиротехнику. Тот поднёс факел к стволу.

Полез огонь к гнезду. Высовывали головы два напуганных птенчика. Только искры долетели до них, длинноволосый ассистент выпустил аистов. Они, как мы и предполагали, поднялись в небо, затем полетели к гнезду — на аистиный плач. Затрещал мотор кинокамеры. Съёмка началась. Аисты боялись огня, росчерков искр. Они опускались к дереву, но снова поднимались прочь. Дяг следил за ними тоскливым взором. Суетились птенцы, мятежно раскрывали клювы. Огонь, как и было задумано, не трогал гнезда. Пиротехник разжёл чёрную шину, что дало на дерево траурный шлейф — будто это марево от сожжённой белогвардейцами деревни. В этом дымном смраде носились птицы, очевидно, потеряв из виду своих детей.

— Душегубы, — услышал я сдавленный стон Дяга. И в следующее мгновение он метнулся к дереву, быстро вскарабкался по огненному стволу к гнезду, схватил одного птенца и протянул руку к небу — жест мольбы и отчаяния.

— Митрень! — звал он по имени взрослого аиста. — Иди сюда, Митрень. Это я! Я!

Аисты слышали этот зов. Они вдруг ринулись вниз, как вертолётчики на посадочную площадку. Дяг дымился.

Он одной рукой повис на сухой ветке, втянул ноги, чтобы не касаться ствола, а другой держал аистёнка. Аисты схватили птенца и понесли от беды. Дяг рухнул вниз. Я не давал команду «стоп». Съёмка продолжалась. Дяг поднялся. Затем снова кинулся к дереву, добрался до гнезда, бережно прижимая к рубахе драгоценную ношу. Потом поскакал по траве к тому месту, где сидел уже первый аистёнок. Он взял птенца; взрослые аисты опустились ему на плечи. Чтобы не беспокоить их своими прыжками, Дяг пошёл в темень размашистым шагом, что-то недовольно бормоча. Ночь спрятала его, словно она была его родня, и теперь укрыла Дяга своим плащом. Он растворился в ней на пути к родной деревне, куда шёл пешком, оскорблённый происходящим.

Больше Дяга я не видел. Но эпизод, снятый с ним, вошёл в фильм. В этом был большой смысл: человек спасал птиц от беды. И неважно было, когда совершил человек это своё прекрасное дело — давно или сегодня.

ПРОБА ПЕРА

Юлия Завгородняя

*Ученица Грязовецкой специальной
школы-интерната*

ВЕСНА

Прочирикал воробей
У меня на крыше.
Небо стало голубей,
Солнышко повыше.

— Как-как-кап, — заводят хор
Стройные сосульки,
И на солнышке блестят
Синенькие струйки.

Артём Медников

Ученик Челябинской школы № 127

МОЯ СЕМЕЙНАЯ РЕЛИКВИЯ

У нас в зале на стене висят старинные часы. Появились они в нашей семье три года назад, когда умер мой прадедушка. Часы эти полностью деревянные с красивой резьбой, только механизм у них металлический. Раньше эти часы висели в доме у моего прадедушки,

который жил вместе со своим старшим сыном на станции Бердяуш. А ещё раньше они висели в доме моего прапрадедушки Ильи Петровича. Он-то и купил эти часы в 1939 году.

Папа нам рассказывал, что дед Илья ещё до Великой Отечественной войны пошёл на базар купить какой-то инструмент для дома. А вернулся он без инструмента, но с часами. Бабушка стала его ругать. А дед Илья сказал, что купил эти часы, чтобы помочь большому семейству, отец которого продавал их. Дед Илья Петрович и мой прадедушка Коля (тогда он был мальчиком, ему было 13 лет) повесили часы в доме. С тех пор вся деревня стала ходить к ним узнавать точное время, потому что часы эти шли точнее всех. Мой прапрадед очень следил за ними, всегда вовремя переводил гири, протирал их. И ни разу эти часы не остановились и не сбились, даже во время войны.

Когда мой дед Илья умер, эти часы взял к себе в дом его старший сын, мой прадедушка Коля. Он продолжал за ними следить, и часы всё так же были точными и ни разу не ломались. Дедушка Коля рассказывал своим сыновьям, что однажды эти часы разбудили его, когда у него родился первый сын. Мой прадедушка пришёл с работы уставший, присел на сундуке и заснул. Вдруг сквозь сон он слышит бой часов и как будто плач младенца. Прадедушка вскочил и побежал в поле, где работала прабабушка. А она и правда родила прямо в поле первого сына. Прадедушка успел как раз вовремя.

Потом эти часы оказались в доме старшего сына моего прадедушки. Когда прабабушка умерла, прадедушка стал жить вместе с сыном и его семьёй. Мы приезжали к ним в гости, я видел эти часы на стене. Нам с сестрой всегда

очень хотелось подёргать гири и заглянуть внутрь. Но прадедушка не разрешал нам близко подходить к часам. Мы любовались ими на расстоянии и каждый час забегали в дом, чтобы послушать бой. Он был такой красивый, совсем не грозный, как у некоторых часов. Эти часы били звонко, но ласково. Бой у них был какой-то глубокий, казалось, что они звучат прямо в тебе. Прадедушка показывал, как нужно переводить гири, и говорил, что когда-нибудь я должен буду ухаживать за этими часами.

Три года назад наш прадедушка умер, а его старший сын решил переехать в другой город. И в этот момент часы упали со стены и остановились. Дедушка Вова пытался их починить, но часы не шли. Наверное, они не захотели уезжать из родных мест. Тогда их забрал к себе домой старший внук — мой папа. Тут-то мы с сестрой и рассмотрели, что у них внутри: и гирьки потрогали, и стрелки перевели. Папа починил часы, а мы ему помогали. Теперь эти старинные часы висят у нас в зале, мы аккуратно переводим им гири, и они идут очень точно. Думаю, часам у нас нравится. Потом я передам их своему сыну, а потом внуку. Только нужно жить в родном крае, иначе часы перестанут идти, если уехать с родины.

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Аркадий Илин

Давайте вслушиваться в звуки,
И в перезвон, и в перестуки
И наслаждаться изученьем
Природы, собственным твореньем,
Глотком свободы, частью речи,
Непредсказуемостью встречи.

Ты таешь и таешь в тумане,
В любовном романе-обмане,
В любовной загадке-интриге
Ещё не законченной книги.
И действия время и место
Ещё никому не известно,
Ещё не зарыты таланты,
И есть у судьбы варианты.

Обещанного жди.
Обещанного жду.

Осталось позади
Всё то, к чему иду.
Остались Бом и Бим,
Игра и неигра,
Ушедший в небо дым
Погасшего костра,
Крутой подъём и спуск,
Вершина, глубина
И виды всех искусств
Из нашего окна.

Памяти Александра Галича

Дорогие мои и дешёвые,
На любые поступки готовые,
Вы, безумцы, поэты и призраки,
Не страшны вам ни звери, ни изверги,
Не боитесь вчерашних утрат,
Ни грядущих немислимых трат,
Ни внезапных ударов судьбы,
Ни призывного воя трубы,
Никаких обещаний-надежд,
Ни тупых и безмозглых невежд.
Не боитесь, не бойтесь, не надо
Ни хвалы, ни хулы, ни парада.

Мир меняется мгновенно,
Мы стареем неизменно.

Мы выходим на дорогу,
Устремляя мысли к Богу.
Монастырская ограда,
Плод кладбищенского сада,
Ветер с юга того света,
Дух забвенья и Завета,
Ветер с запада, востока,
Воля случая и рока.
Нас окутывает тайна.
Всё мгновенно, всё случайно.

Заблудшая овца —
Господняя отара.
Дорога без конца,
То хата, то чинара.

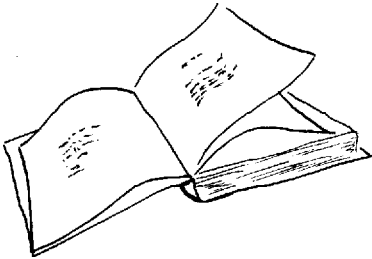
Опустошённый дом,
Доставшийся в наследство.
Запечатлённый в нём
Мир сказочного детства.

Свобода — в облаках
Витать до одуренья
С улыбкой на устах
Без смысла и значенья.

И пробужденья миг,
Как будто голос свыше
В сознание проник
И из него не вышел.

ПЁТР ОРЕШИН

1887 — 1938

Петра Орешина упоминают литературные словари, но всё же имя и творчество его сегодня практически забыты. Биография, опубликованная в литературных энциклопедиях, при ближайшем рассмотрении грешит многими неточностями и мало что сообщает о личности поэта. Пётр Васильевич Орешин родился в 1887 году в небольшом городке Аткарске Саратовской губернии. Его отец тринадцатилетним мальчиком из деревни попал в мануфактурную лавку, дослужился до приказчика и проработал в ней до конца жизни. Мать, не разгибая спины, шила на продажу ситцевые рубашки. Будущий поэт первым учеником в классе окончил начальную школу, но четырёхклассную школу или, как её ещё называли — «городское» училище, окончить не смог — у семьи не было средств, хотя он и сдал экзамены за третий класс.

Не желая становиться подручным в лавке, он несколько раз сбегал от отца и подолгу жил у деда-крестьянина в селе Галахово Саратовской губернии. Но надо было и о будущем думать, и, уступив уговорам отца, в 16 лет Пётр поступил на бухгалтерские курсы. Тяготеющему к литературе юноше это занятие было совсем не по душе. Дававшему небольшой, но надёжный заработок усердному корпению над конторскими книгами с сухими и скучными цифрами он предпочёл скитания по городам и сёлам Поволжья и Сибири в поисках заработка и новых впечатлений.

Орешин рано пристрастился к чтению, особенно увлекался чтением русской классики, и стихи он, видимо, начал писать в ранней юности. Его первые стихи появились в саратовских газетах в 1911 году. Два года спустя поэт решился оставить провинциальный Саратов и переехать в Петербург, ведь вся литературная жизнь, которая так влекла его, была сосредоточена в столицах. Он работал на железной дороге, много писал и не переставал искать путей в литературный мир. Основной темой его ранней лирики была русская деревня, в стихах этого периода часто звучат религиозные мотивы, а нищая смиренная Россия предстаёт страдающей, но прекрасной, ожидающей своего воскресения. Он послал свои стихи в журнал «Заветы», и они понравились Иванову-Разумнику, влиятельному литературному критику, близкому к идеям народничества, который вёл в журнале литературно-критический отдел и охотно печатал новокрестьянских поэтов. При его поддержке несколько стихотворений Орешина появляются в столичных литературных журналах.

В 1916 году Петра Орешина призвали в армию, он воевал простым рядовым солдатом маршевой роты, был отмечен за храбрость двумя Георгиевскими крестами, но в стихах его отчётливо звучали антивоенные мотивы. Он воспринимает и изображает войну как беду всего народа. Его стихи полны печали не только об убитых и искалеченных солдатах, но и о детях, растущих без отца, о жёнах, стареющих раньше времени от тяжкой работы, о беспомощных состарившихся родителях. В спокойных по интонациям стихах он сумел передать глубокую человеческую боль, причинённую бессмысленной войной.

Тяжка вернётся на зорьке,
Весело будет в избе.
Будет с усмешкою горькой
Он говорить о себе.

Выставит ногу, обрубок,
Жаркому дню напоказ.
В хате берёзовой любо
Слушать диковинный сказ.

Будет охотно дивиться
Жутким рассказам народ.
Только жены белолицей
Грусти никто не поймёт!

Революцию Пётр Орешин принял восторженно, в стихах этого периода он отрекался от всего, что раньше для него было свято и дорого: «Будет врать о любви и о Боге, / и о многом, о многом другом. / Не вернут нас ни кони, ни дроги / в старорусский родительский дом!» Но эти настроения очень скоро прошли, и он вернулся к родной для него теме — русской деревне, от которой больше никогда не отходил. Как и все крестьянские поэты, Орешин поэтизирует народную жизнь и деревню.

В 1918 году поэт издал первую книгу стихов «Зарево». Её восторженно принял Сергей Есенин, сравнив с озером, «где отражаются и месяц, и церковь, и хаты». Это роднит поэзию Орешина с творчеством других крестьянских поэтов, но в его стихах часто слышится и боль о совсем не радостных сторонах крестьянской жизни.

В 1920-е годы поэт активно сотрудничал со столичными и саратовскими издательствами, вёл активную про-

пагандистскую работу, был избран членом правления Всероссийского союза писателей. Одна за другой выходили книги его стихов и прозы. Между тем крестьянское направление в литературе начинает подвергаться травле большевистских «критиков».

Начинающаяся расправа над крестьянством, ранняя гибель близкого ему по духу Есенина — всё это наполнило творчество Орешина недобрыми предчувствиями и горечью. Вслед за циклом памяти Есенина были написаны стихотворения «Земля родная» и «Элегия», в которых поэт словно отрекался от иллюзий о переделке старой жизни, которые были у него после революции.

В 1934 году поэт был задержан на улице милицией за неодобрительные слова в адрес партийного руководителя Л. Кагановича. В 1935-м была составлена докладная записка в партком Союза советских писателей после скандала в Доме советских писателей, где Пётр Васильевич заявил: «Советская власть не даёт жить порядочным людям. Сталин не может ценить порядочных работников». Можно только удивляться, что его сразу же не арестовали.

В 1937 году вышла последняя книга Орешина «Под счастливым небом», и его тотчас обвинили в «кулацкой идеологии». 28 октября того же года он был арестован. На следствии жестокими пытками его заставили пойти на самооговор и под конец из едва живого поэта выбили признание в «контрреволюционных шовинистических взглядах», которые он разделял с Сергеем Есениным. 15 марта 1938 года Пётр Орешин был расстрелян по обвинению в террористической деятельности. Место захоронения поэта неизвестно.

Пётр Орешин не считался крупным поэтом в отличие от своих более маститых друзей и собратьев по направлению — Сергея Есенина, Николая Клюева, Павла Васильева. Сегодня его творчество известно мало. Но искреннее, острое чувство беспокойства за судьбу родной земли и человека, живущего не ней, наполняющего его стихи, не оставляет равнодушными и современных читателей.

ДОЖДЬ

Горохом дребезжал по жести
И бил в окно — ко мне.
А гром потом далёкой вестью
Шёл в синей вышине.

Весь город — крыш цветных гуденье,
Звон светлых желобов.
А ветер кинул куст сирени
В окно — и был таков.

Промчался косо дождь. Цветисто
Дуга из края в край.
Ты крикнула: — Мне мокрых листьев
Сирени в косы дай!

Сад в блёстках. Ветка не шелохнет.
Дорога — глаз синей.
И славно плещется в потоке
Бесстыжий воробей.

Блеснуло солнце. Очень редко
Вздыхает тёмный сад.

В саду на каждой мокрой ветке
Горошины висят.

Сон берёз, задумчивый и тихий,
Синева, улыбка и покой.
Я иду по розовой гречихе,
Трогая глазами и рукой.

Я себе как будто бы не верю,
Что живу в приснившемся раю.
Но струятся облачные перья
На шальную голову мою.

За деревней яблони и груши
Падают румяным лепестком.
И поёт мне ветер прямо в уши
Полевым залихватным стихом.

Я ищу той песенки начало,
Но его и не было и нет.
Не пытай, что сказкой прозвучало,
Что не может вылиться в ответ!

Разве эти рощи и селенья
Сами за себя не говорят?
Над лесами алое кипенье,
Золотой тоскующий закат.

Разве мало говорят без слова
Эти нивы, пашни и плетни?

Лучше в душу края голубого
В тихий час поглубже загляни.

Там просторы солнца и гречихи,
Звон косы и песня за рекой.
Сон берёз, задумчивый и тихий,
Марево, улыбка и покой!

ЭЛЕГИЯ

Скоро, скоро в дальнюю дорогу
Я отправлюсь, радостями жив,
От работы поустав немного,
Ничего с собой не захватив.

Но пока я не покинул края,
Где я прожил тридцать девять лет,
Стойко буду, сторона родная,
О житейский обжигаться бред.

Полуюсь на твои равнины,
На разливы полноводных рек.
Все мы в жизни рубимся, как льдины,
И недолог наш рабочий век.

Оттого и хочется до боли
Наворочать кучу всяких дел,
Распахать тоскующее поле,
Чтобы колос веселей звенел.

Сколько дум навеяно холмами
И рядами неприметных изб!

Золотыми в поле журавлями
Мы недаром дружно поднялись.

Жизнь моя поблѣкнула в опале,
В жгучем ветре вечных голодух.
На крутом житейском перевале
Я устал и медленно потух.

Но до самой до последней пяди
И сейчас уверенно пойду
Новой жизни, новой песни ради
На любую тяжкую беду.

Мне не страшно засесть годами,
Я люблю весёлой жизни звук.
И земли мечтающее знамя
До конца не выроню из рук!

ЖУРАВЛИНАЯ

Соломенная Русь, куда ты?
Какую песню затащить?
Как журавли, курлычут хаты,
Поднявшись в неизвестный путь.

Я так заслушался, внимая
Тоске протяжной журавлей,
Что не поспел за светлой стаей
И многого не понял в ней.

Соломенная Русь, куда ты?
Погибель — солнечная высь!

Но избы в ранах и заплатах
Над миром звёздно вознеслись.

И с каждой пяди мирозданья,
Со всех концов седой земли —
Слышать, как в розовом тумане
Курлычут наши журавли.

Совсем устали от дозора
Мои зелёные глаза.
Я видел — каменные горы
Огнём ударила гроза.

И что ж? Крестом, как прежде было,
Никто тебя не осенил.
Сама себя земля забыла
Под песню журавлиных крыл.

Ой, Русь соломенная, где ты?
Не видно старых наших сёл.
Не подивлюсь, коль дед столетний
Себя запишет в комсомол.

Иные ветры с поля дуют,
Иное шепчут ковыли.
В страну далёкую, родную
Шумят крылами журавли!

ПИСЬМО С ПОЗИЦИЕЙ

Если умру я, усну навсегда,
Кто пожалеет?

Может быть, солнце могилу мою
В полдень согреет?

Может быть, ветер в могильных кустах
Ночью заплачет?
Может быть, месяц, как по полю конь,
Мимо проскачет?

Все позабудут! Напрасно себя
Памятью тешим.
Время закроет дороги-пути
Конным и пешим.

Как я любил! Лишь родная моя
Это оценит.
Или и ей, как и всем на земле,
Память изменит?

ПЕСНЯ ОСЕННЕГО ВЕТРА

Если б знать, о чём поёт мне ветер
Всех полей, дорог и воли страсть.
Пусть плывут туманами столетья,
Мне, звезде, не жалко в них пропасть!

Жёлтый лес, и осень на уклоне.
Ветер бьёт в окно сухой листвой.
Смутно слышу в этом тёмном стоне
Шум души и сердца тяжкий бой.

Темь дорог, и в небе месяц узкий,
Жёлтых веток вынужденный гул.

В тёмном ветре слышу посвист русский,
Посвист красный в ветре потонул.

Осень кроет ливнем и туманом,
Ставень бьёт и машет в тёмный круг.
Дышит поле сказкой и обманом,
В каждом дне — улыбка и испуг.

Жёлтый лист сыпается, как годы.
Волос сед, и плачет гребешок.
Ночь в окне, и месяц пьяно бродит
В жёлтых тучах — тусклый, как намёк.

Вот она — плечей моих сутулость.
Лес морщин на лбу и на лице.
Сколько дум неясных шевельнулось
В этом вот осеннем багреце!

Даль туманна. Лихо ветер кружит.
Может быть, напрасно сердце ждёт?
Если б знать, о чём в осенней стуже
Ветер мне за окнами поёт!

СЧАСТЛИВАЯ ЗВЕЗДА

О.М. Орешинной

Жизни расставленный бредень
Ловит... не страшно нам.
За счастье минут последних
Полжизни тебе отдам.

Знаю: в полёте не раз я
С коня невзначай сорвусь.

Где много любви и счастья,
Там, верно, таится грусть.

Можно быть очень счастливым,
Как те две большие звезды,
Над сонным речным заливом
Глядящие в синь воды.

Можно быть очень несчастным,
Но мы же счастливее той
Звезды, что совсем напрасно
Летит за своей мечтой!

АЗ, БУКИ, ВЕДИ

Роберт Луис Стивенсон

НА ОДЕЯЛЕ

Когда я много дней болел,
С подушек двинуться не смел,
Игрушки мне, бывало,
Несли на одеяло.

И я, не отрывая глаз,
Глядел, как, выслушав приказ,
Солдаты скачут на заре
К крутой подушечной горе.

На одеяле вырастал
То моря разъярённый вал,
То город — несколько домов
Меж одеяльных двух холмов.

А я, как всемогущий джинн,
Лежал спокоен, недвижим,
Парил в мечтаньях над страной,
Шутя сооружённой мной.

ВЕТЕР

Ты гладь озёр волнуешь украдкой,
С воздушным змеем вступаешь в схватку.
И видел я не раз и не два:
Под шагом твоим шевелилась трава.

О ветер свистящий, ветер ревущий!
О ветер, дивную песню поющий!

Ты дул мне в спину и с ног сбивал.
Нашёптывал что-то, куда-то звал.
И мы знакомы с тобой, хотя
Тебя ни разу не видел я.

О ветер свистящий, ветер ревущий!
О ветер, дивную песню поющий!

Когда ты злишься зимою седой,
Ты кажешься мне стариком с бородой.
А может, ты молод и дивно хорош?
А может, на зверя лесного похож?

О ветер свистящий, ветер ревущий!
О ветер, дивную песню поющий!

В НАЧАЛЕ НОЧИ

Лишь стоит мне, закрыв глаза,
Улечься на диван,
Как вскоре слышу голоса
И вижу караван.

Идут властители земли:
Цари, султаны, короли,
Раджи, наместники, князья...
И с их толпой мешаюсь я.

Перед размахом тем ничто —
Всё, что я видел в шапито!

И звери из заморских стран
Наш замыкают караван.

Сперва он медленно идёт,
Потом быстрее, быстрее, и вот —
Под свист бичей и рёв слонов
Я попадаю в царство Снов.

СЕНТИМЕНТАЛЬНАЯ МЕЛЬНИЦА

Мимо сарая, где сложены вёсла,
Через ограду — пути лучше нет! —
Мы, оглянувшись, не видят ли взрослые,
Мчимся к реке, нарушая запрет.

Та нам навстречу течёт, бурно пенится,
И, заглушая людей голоса,
Всё нарастает призывный гул мельницы,
Громче становится скрип колеса.

Чуть пригибаясь, бежим мимо ельника
И на песке оставляем следы.
Взгляд неподвижен у старого мельника,
Уши оглохли от шума воды.

Годы пройдут, но ничто не изменится,
Будет вода клокотать, как сейчас.
Брызги летят с колеса нашей мельницы,
Как и летели задолго до нас.

В битвах грядущих и в дальних скитаниях
Мы постареем, должно быть, слегка.

Встретиться здесь мы даём обещание.
Шумом знакомым нас встретит река.

Ты из кармана достанешь монету,
Ту, что полвека назад подобрал.
Сядем и вспомним далёкое лето
Мы — путешественник и генерал.

КУДА ПЛЫВЁТ КОРАБЛИК?

Синие волны,
Жёлтый песок.
На воду спущен
Кораблик-листок.

В ласковой ряске,
В пенной волне
Замок из сказки
Чудится мне.

Кораблик, плыви!
Мимо гор и холмов,
Встречая огни
Деревень, городов.

Но как бы хотел я узнать, где живёт
Тот мальчик, который тебя подберёт!

Перевод Маши Лукашкиной

ТРАМ-ПАРАМ-ПАМ! У! У!

У Зайца было хорошее настроение. Он шёл по лесу, останавливался возле каждого пенька и барабанил! барабанил! барабанил! — весёлые марши и бравурные мелодии.

И добарабанился! — не услышал, как к нему Волк подкрался.

— Ага, — обрадовался клыкастый. — Вот кто меня разбудил! — Он ухватил Зайца за уши и дёрнул вверх, как морковку из грядки. — Славный обед у меня будет!

Ну, попал Заяц! Надо спасаться. Подрыгал он лапами, подрыгал да и говорит:

— А хочешь, Волк, я и тебя барабанить научу?

— А мне-то зачем? — удивился Волк.

— Как зачем? Ты же вечно голодный ходишь. Научишься играть — поступишь в Уголок Дурова.

— Это в клетке, что ли, сидеть? Ну, ты, длинноухий, и злыдень!

— Зачем в клетке? Будешь с оркестром выступать! Барабанщиком. Они знаешь, как артистов кормят?!

— А чего сам не пошёл?

— Я вегетарианец — мяса не ем. А у них одни свинные отбивные, говяжья вырезка, люля-кебаб из баранины...

Волк как представил себе всё это, чуть слюной не подавился.

— Слышь, Заяц, это мне подходит! Давай учи меня на барабанщика!

И Заяц начал урок. Выбьет дробь позаковыристей и предлагает Волку повторить. А у того, как ни старается, ничего не выходит: то с ритма собьётся, то количество ударов запомнить не может. Утомился. Рассердился. И решил плюнуть на Уголок Дурова, а Зайца съесть.

Заяц, видя такое дело, говорит:

— Во всём лапы твои виноваты. Неуклюжие они. Давай меняться!

— А как же ты?

— А я и с твоими лапами траву щипать могу. Главное — чтобы ты, Волченька, голодным не остался.

Поменялись они передними лапами. Но только у Волка опять ничего не выходит. Голодный желудок урчит, Зайца съесть требует. А тот снова на хитрость пускается:

— Знаешь, Волк, уши у тебя не музыкальные. Давай меняться. Я тебе свои, а ты мне свои...

— А как же ты? — снова спрашивает Волк.

— Чтобы осиную кору глотать, музыкальные уши не нужны. Нужны крепкие зубы! — И тут Зайца осенило. Ткнул он пальцем в Волчьи клыки, хитро прищурился и говорит: — А давай и зубами махнёмся. Тебе твои теперь ни к чему. Тебе яства в Уголке Дурова на блюдечке подавать будут!

— Как это на блюдечке?! — возмутился Волк. — Что на нём поместится? Меня что, как воробья кормить будут? Нет, я не согласен! У меня вон тут целый заяц имеется! — и снова хотел Зайца за уши цапнуть.

— погоди, Волк, не кипятись, — испугался Заяц. — Это так в народе говорят, что, мол, подадут на блюдечке с голубой каёмочкой. На самом деле принесут тебе на чём пожелаешь: хоть на блюде, хоть на подносе.

— На подносе? — обрадовался Волк. — А каёмочка на нём будет?

— Да хоть две, если надо!

— Ну, тогда давай меняться.

И поменялись. Волк снова что есть силы по пеньку барабанить начал. А на ту пору грибники с собаками по лесу шли. Услыхали собаки шум, лай подняли. Кинулись Волк и Заяц со страху в разные стороны.

Ковыляет Волк по лесу — передние заячьи лапы ему короткие, быстро бежать не получается, а длинные уши за ветки цепляются. Так и застрял Волк в кустах.

И у Зайца дела не лучше. И ему передние лапы теперь не помощники. На задних скачет да всё оглядывается — не гонится ли кто. Раньше-то, при длинных ушах, надобности оглядываться не было. Глаза вперёд глядели, а уши каждый шорох угадывали — такого стрекоча давал, что поди поймай его!

Оглянулся очередной раз Заяц и налетел на берёзу. Головой о белый ствол треснулся так, что почернело всё кругом — сознания, бедный, лишился. А когда пришёл в себя, смотрит, а он у себя дома на полу лежит. Это он, оказывается, во сне с кровати свалился.

Поглядел Заяц на лапы, потрогал уши, проверил зубы и засмеялся:

— Ну, что, съел, Волченька? Здорово я тебя перехитрил?! Будет сегодня чем перед друзьями похвастаться!

Вдруг раздался стук в окошко. Выглянул Заяц, а это Волк собственной персоной стоит.

— Чего тебе? — спрашивает Заяц.

— Сон мне приснился, — отвечает серый, — будто в Уголок Дурова барабанщик требуется.

«Ух, ты! — удивился Заяц. — Видать, и Волку такой же сон приснился». А вслух сказал:

— А от меня ты чего хочешь?

— Хочу, чтобы ты меня научил барабанить.

— Так у тебя же уши не музыкальные да и лапы...

— Тебя, Заяц, мои уши и лапы не касаются! Ты учи, а там посмотрим.

Теперь по ночам по всему лесу разносится: «Трам-парам-пам! У! У! Трам-парам-пам! У-у! У-уууу!»

Видимо, Волк всерьёз решил барабанщиком стать.

СОКОЛИНАЯ ОХОТА

Волк лежал под сосной и покусывал стебель ромашки. Он мечтал. И вот о чём. «Был бы у меня сокол... Ходил бы я с ним на охоту... Вот парит он высоко в небе, видит Зайца и камнем на него — бац! А я тут как тут — цап!»

Волчьи мечты прервала сорочья трескотня.

— Чего это, Волк, ты тут развалился? Заболел, что ли?

— Ну, вот, — недовольно поморщился Волк. — Ворвалась, трещотка, в мои мечты!

— Мечтаешь, значит?

— А что — нельзя?

— Почему нельзя? Просто гляжу — Волк лежит. Заболел, думаю.

— Что ты заладила: «Заболел, да заболел»! Мечтаю я! Мечтаю! Вот у тебя, Сорока, есть мечта?

— Есть!

— Да ну! — не поверил Волк. — Какая?

— Вот была бы я соколом... — закатила глаза Сорока, — парила бы в облаках... И никакие соколы мне не страшны! Потому что я сама — сокол! Уф! — выдохнула заветное стрекотуха.

Волк даже подскочил от неожиданности.

— Надо же! — воскликнул он, отбрасывая в сторону ромашку. — Бывают же такие совпадения! Вот и я о соколе мечтаю!

— Тоже хочешь в облаках парить? — глянула на него Сорока.

— Не-а, я хочу иметь ручного сокола.

— Зачем?

— Я бы на охоту с ним ходил... Слушай, Сорока, а не хочешь ли ты стать охотничьим соколом?

— Соколом — хочу! А вот охотничьим... А это как? — заинтересовалась белобокая.

— Это — просто! Иди сюда, сейчас объясню.

Сорока слетела на волчье плечо. Тот неторопливо пошёл по тропинке, растолковывая, что значит быть охотничьим соколом.

— Паришь ты над лесом, добычу высматриваешь...

Сороке не сиделось спокойно. Всем, кто попадался им на пути, она объявляла новость:

— Я теперь не Сорока, а — сокол!

— Как только увидишь добычу, сразу камнем вниз! — наставлял серый.

— А мы на охоту идём! — хвалилась стрекотуха.

— Послушай, — одёрнул её Волк. — Что ты трещишь, как сорока?! Все наши секреты выбалтываешь! Вот добыча возьмёт и от нас попрячется! Запомни, ты теперь — сокол!

— Молчу, молчу! — спохватилась Сорока. — Я — сокол! Я — сокол! Я — сокол!

Они остановились на опушке леса.

— Ну, всё, — сказал Волк. — Давай охотиться! Запомни, что я говорил?

— Запомнила, — кивнула Сорока. — А чего делать-то надо?

— Сначала потренируемся. — Волк подкинул Сороку и приказал: — Пари! Высматривай добычу! А как увидишь — зови!

Парить у Сороки не получалось. Не приспособлены для этого её крылья. Поэтому она нарезала быстрые круги над Волком.

— Выше поднимайся! — требовал тот. — Выше!

— Ещё? — уточняла белобокая.

— Хватит! Теперь добычу высматривай!

Сорока сделала ещё пару кругов и закричала:

— Вижу! Вижу! Чего дальше-то делать?

— Камнем на неё падай! Камнем! А я уж, не сомневайся, к тебе подоспею!

И Сорока, исполняя инструкции, сложила крылья и ракетой понеслась к земле. Волк прикинул, куда спикировала Сорока, и со всех лап кинулся к ней. Но в высокой траве не сразу обнаружил птицу.

— Сорока, ты где? — позвал он.

В ответ тишина.

— Сорока, ты где? — повторил он и прислушался.

Тишина.

«Наверное, Зайца поймала и хочет присвоить!» — решил Волк и рассердился.

— А ну, отдавай моего Зайца! — потребовал он, шаря в траве.

Наконец Волк нашёл Сороку. Она била крыльями, безуспешно пытаясь вытащить застрявший в земле клюв. Волк выдернул пленницу из травы и спросил:

— Где он?

Сорока выплюнула мусор и показала сжатую в кулак лапу:

— Вот!

— Что вот? — не понял Волк

— Добыча!

— Какая добыча?

— Мотылёк! Я его поймала! — Сорока разжала лапу, и мотылёк выпорхнул на свободу.

— Какой мотылёк? — взревел Волк. — Где мой Заяц?

— Заяц? — огляделась Сорока. — Не видела я никакого Зайца!

— Как не видела? Ты же кричала: «Вижу! Вижу!»

— Это я мотылька увидела. А теперь он улетел, — огорчилась Сорока и посмотрела вслед улизнувшему от неё мотыльку.

— Зачем мне мотылёк?! Мы на Зайца охотимся! — негодовал Волк.

— А ты мне про это не говорил. И вообще, это у нас была только тренировка и, по-моему, она прошла удачно.

— Ну, если тренировка, тогда ладно, — поостыл Волк. — Но теперь всё! Идём на Зайца!

Сорока кружила над лесом. Увидела Зайца и закричала:

— Заяц! Заяц! Сюда! Сюда!

Спикировала она вниз — хотела, как сокол, Зайцу в спину когтями вцепиться, — да промахнулась. Снова в землю клювом — тюк! Заяц посмотрел оторопело на такое чудо и спрашивает:

— Чем это ты, Сорока, занимаешься?

— А и ооа! А — оол!

— Чего? — не понял Заяц. — Ты клюв-то из земли вытащи.

Сорока потрепыхалась, потрепыхалась, помычала, помычала и затихла. Пришлось Зайцу её из земли выковыривать.

— Я не Сорока, а — Сокол! — сказала та, отплёвыва-
ясь. — Мы с Волком соколиной охотой занимаемся!

— А Сокол теперь вместо тебя новости разносит? —
уточнил Заяц.

— Как это вместо меня? Как это — вместо? Да кто
ж ему позволил! — возмутилась белобокая. — Свои
новости я сама разносить буду! — И с криком «Соро-
ка я! Сорока!» — полетела восстанавливать доброе
сорочье имя.

А Волк долго ещё бегал по лесу, разыскивая своего
охотничьего сокола. Серый же не знал, что сокол снова
стал Сорокой.

ЧАСЫ С КУКУШКОЙ

— Кукушка пропала! Кукушка пропала! — трещала Со-
рока, облетая лес. — У Волка появились часы! Волк об-
завёлся часами! — выстреливала она новости пулемёт-
ными очередями.

Заяц и Ёжик болтали на поляне, когда мимо них про-
летела белобокая.

— Слышал, Заяц, новость? — спросил Ёжик. — Ку-
кушка пропала!

— Кукушка что... — махнул лапой Заяц. — Прячется
где-нибудь. А вот то, что Волк обзавёлся часами — это
новость!

— Новость, — согласился Ёжик.

Дело в том, что часы в лесу были только у Медведя и
у Совы. У Медведя — наручные, он нашёл их в малинни-
ке — видимо, кто-то из грибников потерял. А у Совы —
будильник. Откуда он взялся — для всех оставалось тай-
ной. Поэтому новость о Волчьих часах взволновала Зай-
ца гораздо больше, чем пропажа Кукушки.

— Пошли к Волку, — предложил Заяц. — Посмотрим, какие такие у него часы.

Заяц и Ёжик подкрались к дому Волка и заглянули в окно. В горнице на бревенчатой стене висел скворечник. Снизу у скворечника на верёвке болталась деревянная дубинка.

— Смотри, и, правда, часы, — сказал Ёжик, указывая на скворечник. — Ходики.

— Какие же это ходики? — возразил Заяц. — У них же стрелок нет!

— Зато гирька имеется, — настаивал Ёжик.

— Давай спросим у Волка, который час, — предложил Заяц. — Вот и узнаем, есть у него часы или нет.

— Стучи, — согласился Ёжик.

— Волк, а Волк! — забарабанил в окно Заяц. — Сколько сейчас времени?

— А тебе зачем? — выглянул тот.

— Мне врач прописал лекарство, — придумал на ходу косой, — и велел пить его по часам. А у меня их нет.

— Тогда ладно, — ответил Волк. — Сейчас скажу.

Заяц и Ёжик прильнули к окну. Волк подошёл к скворечнику, постучал по нему согнутым пальцем и спросил:

— Кукушка, Кукушка, который час?

Из скворечника раздалось:

— Отстань! Ты мне надоел!

Тогда Волк подхватил висящую на верёвке дубинку и шарахнул ею по скворечнику.

Пулей вылетела оттуда Кукушка, прокуковала три раза, и непонятной силой была втянута обратно в скворечник, причём хвостом вперёд.

— Слышал, Заяц? — прокричал Волк. — Сейчас три часа!

— Спасибо, — пробормотал ошарашенный Заяц.

— Ну и часы у Волка! — удивился Ёжик.

— Кажется, Кукушка нашлась... — отозвался ушастый. Он немного подумал, а потом сказал: — Надо птичку спасти...

— Думаешь, надо? — засомневался Ёжик.

— Конечно! Разве ты не видел, что она резинкой за лапу привязана?! Поэтому и не может сама от Волка удрать!

— А как мы её спасём? Ведь добровольно Волк Кукушку не отдаст!

Заяц побродил взад-вперёд под Волчьими окнами и воскликнул:

— Есть идея! Мы дождёмся ночи... Кстати, ты не видел поблизости шмелиного гнезда?

— Тише! — шикнул на него Ёжик. — Волк у окна стоит.

И они пошли прочь. По дороге Заяц рассказал Ёжику свой план. Когда стемнеет и Волк пойдёт выть на луну, они проберутся в его логово. Отвяжут Кукушку, а на её место положат шмелиное гнездо. Волк захочет узнать, который час, стукнет дубинкой по скворечнику, тут шмели ему время и отсчитают.

— Вряд ли шмели согласятся на то, чтобы мы трогали их гнездо, — засомневался Ёжик.

— А мы и спрашивать их не будем! — горячился Заяц. — Кукушку надо спасти?

— Надо! — вздохнул Ёжик. — Но без их согласия... Да они нам самим... время отсчитают!

— Не отсчитают! Ночью шмели спят. Вот мы их потихоньку и перенесём.

Ёжик покачал головой, но больше не возражал.

Рано утром, позёвывая, возвращался Волк после ночного пения. Первые лучи солнца уже умывались росой, и серому пришло время вздремнуть.

Прежде чем лечь в кровать, он решил узнать, который теперь час.

Волк подошёл к скворечнику, постучал по нему и спросил:

— Кукушка, Кукушка, сколько сейчас времени?

Из скворечника раздалось какое-то невнятное шебуршание. Волк постучал громче:

— Спишь, что ли, Кукушка?

Скворечник отозвался сердитым гудением.

— Вставай давай! — крикнул серый и от всей души ударил дубинкой по скворечнику. — Хочу знать, который час!

Заяц, Ёжик и Кукушка сидели в кустах напротив избушки. Они увидели, как распахнулась дверь и Волк с воплем вывалился наружу. Отмахиваясь лапами от разъярённых насекомых, он кинулся прочь от дома.

— К реке побежал, — сказал Заяц.

— Конечно, от шмелей только в воде и спасение, — отозвался Ёжик.

— Здорово вы придумали подсунуть ему шмелиное гнездо, — хихикнула Кукушка и улетела, прокричав на прощание: — Ох, и долгую жизнь я вам накую!

— Знаешь, Заяц, — задумчиво произнёс Ёжик, — всё-таки мы не очень честно обошлись со шмелями. Давай, пока они за Волком гоняются, вернём их гнездо на место?

— А давай, — легко согласился Заяц.

ПО СЛЕДАМ ВАСИЛИЯ ЕРОШЕНКО*

В ТУРКМЕНИИ

Осенью 1934 года Василий Ерошенко едет в Ашхабад. Его брат Александр уже несколько лет работает там ветеринаром. Он, видимо, и постарался устроить для Василия Яковлевича вызов из Наркомпроса Туркмении. Это только моё предположение. Никаких достоверных документальных объяснений решения Ерошенко уехать в Туркмению мне найти не удалось.

Так или иначе, Василий Яковлевич на долгие годы связал свою судьбу с Туркменией, краем знойного солнца и изобилия тепла, фруктов и овощей. Он живёт у брата в Ашхабаде и в ноябре начинает работать в Наркомпросе Туркмении как специалист по делам слепых. Одновременно он продолжает свою литературную деятельность, собирает материал о положении слепых в Средней Азии и на других окраинах страны, в частности, в Армении. Кроме того, он учит туркменский язык.

В 1934 году Ерошенко публикует статьи «У слепых Узбекистана» и «Советская Армения». Он подробно описывает, каким было положение слепых в Узбекистане до установления Советской власти и в чём состоят текущие проблемы. На протяжении веков «самое большее, чего мог добиться слепой, — это выучить наизусть выдержки из священного Корана и потом произносить их

*Продолжение, начало читайте в № 10 за 2016 г.

перед людьми. Поступая так, он как бы спасал свою душу и души своих неграмотных слушателей, которые щедро подавали ему милостыню». Но теперь положение постепенно начинает меняться, активисты организаций слепых ведут большую работу, разъясняя, что «слепые узбеки могут и должны трудиться, как и все».

Общество слепых (УЗОС) было организовано в Узбекистане только в 1928 году, сначала с центром в Самарканде, затем головная организация была перенесена в Ташкент, столицу Узбекистана. Далее Ерошенко с сожалением констатирует, что из двенадцати тысяч слепых (по переписи 1926 года) в общество вступила только одна тысяча, а трудятся в двух мастерских в Самарканде только тридцать человек и в Ташкенте — пятьдесят. Лишь на съезде УЗОС в 1932 году наметили «трудоустроить четыре тысячи слепых в артелях, мастерских коопсоюза и на фабриках общей промышленности». Ближайшая и самая главная задача — это ликвидация неграмотности слепых. Но нет для этого кадров.

Статья «Советская Армения» имеет знаменательный подзаголовок «Американская христианская миссия». Эта миссия в течение четырёх с половиной лет, с 1922 по 1926 год действовала в Армении и организовала там школу для слепых детей. Но в ней, кроме преподавания общеобразовательных предметов, учили детей молиться Христу. И власти добились прекращения деятельности иностранной миссии. Школу же закрыли, а детей отправили в «общий дом инвалидов». Ерошенко прямо не высказывает сожаления по этому поводу, но его нельзя не почувствовать в изложении этой истории. Не зря он подчеркнул, что тогда же был создан «брайлевский алфавит для армянского языка, ученики этой

школы учились читать и писать на своём родном языке». И ещё: «В школе начали преподавать русский и английский языки. А в 1924 году школа уже имела замечательный оркестр, хорошо оснащённые классы и щёточную мастерскую».

Далее он рассказывает об истории организации слепых в Армении, подчеркивая, что в 1926 году там было пятнадцать тысяч слепых, из которых только триста человек стали членами общества, работу имеют лишь единицы, а школа для слепых была открыта в Ереване только в 1933 году. В рассказе об этих фактах нельзя не обратить внимания на то, как безрадостны мысли Ерошенко о положении слепых в стране и особенно в национальных республиках. О положении слепых в Туркменистане он вообще умалчивает. Туркменский комиссариат просвещения, вероятно, не без инициативы самого Василия Ерошенко, поручил ему организацию первой в республике школы-интерната для слепых детей. И, как гласит официальная справка, «в мае 1935 года товарищ В.Я. Ерошенко был направлен в город Кушку для организации там первого детдома для слепых в Туркмении». Но самих детей ещё нет, их Ерошенко только предстояло найти и привезти в школу.

А что такое Кушка? Сам Ерошенко позже, в 1940 году, в одном из писем напишет: «Это местечко замечательно тем, что является самой южной точкой СССР». Кушка — это песчаные степи, летом жара за сорок градусов, зимой бывают и тридцатиградусные морозы. Здесь в междуречье Теджена и Мургаба раскинулась страна Бархыз — край фисташковых рощ.

В 1930 — 1940-е годы Кушка была небольшим селением около «крепости», простой пограничной заставы.

Посёлок образовали переселенцы с Украины в конце XIX века, когда вблизи Кушки была установлена граница Российской империи. Позже, к 300-летию дома Романовых на холме установили 10-метровый каменный крест, обозначающий крайнюю южную точку страны. Название «Кушка» произошло от названия реки, в долине которой и расположен посёлок. В 1967 году он получил статус города, а в 1992 году Верховный совет Туркмении переименовал Кушку в Серхетабад.

Вот как описывал Кушку известный журналист-путешественник Василий Песков: «Несколько улиц, зажатых между горой и рекой с названием Кушка. Река небольшая, но, видно, с характером — жёлтого цвета вода змеится в песчаных отмелях, зелёные берега далеки друг от друга. Бывает время: Кушка вспухнет, катит по руслу камни и всё, что встаёт на пути у потока. Известны годы, когда вода приносила из-за границы мёртвых овец, пастушьи юрты и самих пастухов».

Железная дорога до Кушки проведена ещё в 1895 году. К северу от Кушки примерно в пятидесяти километрах — райцентр Тахта-Базар, а в трёхстах километрах — большой древний город Мары. По берегам реки Мургаб — настоящий оазис среди пустыни. Вот в таком необычном месте Василий Ерошенко прожил десять лет.

Много хлопот выпало на его долю при создании школы. Здание для интерната дали в четырёх километрах от Кушки, на окраине посёлка Моргуновка у самого подножия холма с памятником-крестом. Селение было фисташковым совхозом. Учеников ему пришлось собирать самому, с большим трудом уговаривая и убеждая родителей отдать ему детей на воспитание в организуемый приют.

Как рассказал при нашей встрече бывший ученик Куш-кинской школы Вацлав Бродо, официально школа-интернат называлась «Республиканский детский дом слепых». Открытие школы произошло только 23 декабря 1935 года. В первом наборе было всего восемь учеников, да и потом одновременно в школе могли обучаться не более двадцати двух человек. Длинное одноэтажное здание состояло из пяти небольших комнат и кухни. В двух комнатах устроили спальни для девочек и мальчиков, а в трёх остальных — классы.

Сам Ерошенко спал в одной комнате с мальчиками. Ел он в столовой вместе с учениками, но оплачивал еду сам, из своей зарплаты. Личной собственности у Василия Яковлевича не было никакой, только книги. Постель, даже полотенце — всё школьное, как у всех.

«Вечерами около железной печурки, — вспоминал В. Бродо, — велись интересные беседы. Василий Яковлевич рассказывал о жизни в разных восточных странах, какие у кого обычаи, где и что едят. Читал нам книги. Он хорошо играл на разных инструментах, которые были в школе, но особенно на скрипке и гитаре.

Занимались мы в школе и самодеятельностью. Для жителей Моргуновки, где жили переселенцы с Украины, мы выступали с украинскими песнями и стихами, чему учил нас Василий Яковлевич. А один раз даже поставили детскую оперу Лысенко „Коза”.

В школе было подсобное хозяйство, где работали ученики, особенно те, кто хоть немного видел, как я. Были у нас там коровы, овцы, а для транспорта ишаки и лошади. Ещё запомнились разные происшествия. Так, был случай, когда корова ушла в Афганистан, и мы никак не могли её вернуть, хотя и долго хлопотали в Кушке.

Однажды в 1941 году во время весеннего паводка в реке Кушке ученики спасли тонущего ишака. И он остался у нас в школе: хозяева не нашлись...

Василий Яковлевич был очень хорошим, справедливым. Все ученики его любили. Ходил с нами на экскурсии в горы, приучал ориентироваться самим, без нянек, как он говорил».

Из беседы с В. Бродо выяснялись многие факты из жизни школы в Моргуновке. Так, лишний раз подтвердилась любовь Василия Яковлевича к купанию и плаванию, даже зимой, когда температура опускалась до 5 — 6 градусов. Летом в Кушке он купался с учениками в заводях.

В 1937 году Ерошенко ввёл начальное обучение на туркменском языке по Брайлю. В заметке Д. Алова о Кушкинской школе «Слепые Туркмении будут обучаться на родном языке» есть такие строки: «По заданию Наркомпроса заведующий детдомом тов. В. Ерошенко в августе 1936 года представил Наркомпросу проект алфавита для слепых, в основу которого он положил брайлевский алфавит... Центральное правление Общества слепых одобрило проект туркменского алфавита, разработанного тов. В. Ерошенко, так как он является наилучшим из всех проектов, составлявшихся до сих пор». («Жизнь слепых», 1937, № 5).

Ерошенко перевёл на туркменский язык учебники для начальной школы и заказал их печать в Москве, когда был там во время отпуска. Вообще нельзя представить, чтобы Ерошенко не покидал Туркмению. На летних каникулах он бывал обязательно в Обуховке, Москве и других местах, но никогда не забывал о своей школе. Он пригласил в Кушку слепую мастерицу Расщупкину

из Обуховки учить девочек вязанию. В Москве он уговорил приехать в качестве учителей музыки семью Шаминых и «бесквартирных» Ивановых. Вот что Зинаида Ивановна Шамина поведала о Кушкинском детдоме Василия Ерошенко:

«Летом 1937 года Ерошенко заехал в Москву из отпуска в Обуховке и стал уговаривать меня и мужа поехать в Кушку преподавать музыку: мол, дети лишены возможности по-настоящему заниматься музыкой. Мы согласились, доехали до Байрам-Али, где нам не дали пропуск до Кушки. Мне пришлось вернуться в Москву для оформления пропуска. В Моргуновке я лично проработала только один учебный год, а муж — до мая 1939 года. Школа была маленькая. При мне было всего тринадцать учеников. Утром — занятия, вечером — игры, разучивали сценки, мы читали детям книги. Я сама читала „Кондуита” Льва Кассиля и „Как закалялась сталь” Николая Островского. А уж попозже, после отбоя, мы обычно собирались почаёвничать: обсуждали события дня, его итоги, а чаще всего спорили. Василий Яковлевич часто был резким, но мы никогда друг на друга не сердились... Он был за воспитание, как он говорил, семейное. Дети всех называли по имени: тётя Зина, дядя такой-то. Правда, его самого называли по имени и отчеству, и это для них было трудно и многие выговаривали быстро и укороченно: „Слакович” или раздельно „Васья Клыч”.

Запомнился наш спор о школьном звонке. Ерошенко его не признавал: мол, это казёнщина, доказывал, что уборщица и так загружена, а ещё ей надо будет звонить! Но я была против, доказывала, что нужен определённый порядок, а звонок будет поднимать дисциплину, настраивать на урок. И, побывав на каникулах в Москве,

вопреки ему, я привезла звонок. Дети звонили с превеликим удовольствием, звонок привился...

К себе Ерошенко относился по-спартански. Любимой собакой в Моргуновке у него была Пальма. Школу финансировал собес в Тахта-Базаре, куда мы ездили больше всего по хозяйственным и другим делам. А в Кушку — в магазин и парикмахерскую.

Воспитателей и сотрудников он сам выдвигал из „низов“, говоря при этом: „Лучше честный человек, чем образованный халтурщик“. Но сам как хозяйственник был не очень практичен, и его многие обманывали».

Известно, что у Ерошенко были большие неприятности с бухгалтером, бывшим сторожем, пьяницей. И для наведения порядка в финансах он уговорил приехать свою сестру Нину. И та с удовольствием приехала к нему работать бухгалтером, да ещё и затем, чтобы вылечить сына Юру от туберкулёза. Она пробыла там с ноября 1938 года до сентября 1940, почти два года. Уехала только потому, что сыну надо было учиться, а старших классов в Кушке тогда не было.

В 1938 году в жизни Василия Яковлевича произошло событие, о котором нельзя не упомянуть. Он участвовал в первом Всероссийском шахматном турнире слепых в Ленинграде. Проходил он с десятого по двадцать седьмое июля. Василий Яковлевич занял в нём третье место и получил премию в 250 рублей. В одном из номеров журнала «Жизнь слепых» за 1938 год была опубликована его заметка «Первый шахматный турнир слепых в СССР». В ней он подробно рассказывает о результатах каждого из пятнадцати участников. Кроме того, описана сама обстановка турнира: «Игра велась по всем правилам шахматных турниров: с шахматными часами на

столе, с профессиональным шахматным судьёй, к которому обращались по всем спорным вопросам и решение которого считалось окончательным. Турниром руководил председатель ЛОО ВОС тов. Э. Галвин, который сумел создать для играющих идеальную обстановку. Играли с 10 до 13 часов. Каждый играл одну партию в день, вечера были свободными. Через пять дней был выходной, когда участники турнира отдыхали и совершали экскурсии в окрестностях Ленинграда. К услугам играющих имелись библиотека, музыкальный зал, телефон, радио, физкультурная площадка и самое дорогое для нас в эти жаркие дни — холодный душ».

Вообще, 1938 год для Ерошенко был продуктивным. Кроме участия в шахматном турнире он восстанавливает по памяти своё наиболее крупное произведение «Трёхходовая шахматная задача», рукопись которой была утеряна. Вот что он пишет в предисловии: «Только во время отпуска в этом году (1938) я попытался снова написать её, и вот результат. По стилю и, возможно, по эмоциям она не та же самая, однако её смысл и дух, несомненно, остались неизменными».

Но опубликовать эту повесть не было никакой возможности: она написана на языке эсперанто, который в 1938 году был в стране запрещён. В предисловии к японскому изданию Мине Йоситака замечает: «В это время в Советском Союзе проходила яростная „большая чистка“, и многие эсперантисты были арестованы и погибли». А сам Ерошенко пишет в одном из писем: «Эсперанто у нас не в моде: все центральные эсперантские учреждения закрыты, и многие работники арестованы как шпионы и предатели».

Зинаида Ивановна Шамина вспоминает, что боялась за Василия Ерошенко: ведь только связь с границей

уже каралась. Но, увидев его в 1938 году весёлого, обрадовалась, что репрессии его не коснулись.

«Трёхходовую шахматную задачу» удалось опубликовать за рубежом в журнале «Эсперанта Лигило» только в декабре 1947 года! В повести много описаний быта чукчей и их мировоззрения, противоположных тому, что им насаждалось советскими властями. Ерошенко от лица чукчей показывает, что в их жизни много от настоящего коллективизма: нужно «не учить, а учиться у чукчей коммунизму».

Василий Ерошенко в «Трёхходовой шахматной задаче» выводит себя основным персонажем повествования. Место действия — Лаврентьевская культбаза, время — 1929 год. Завязкой сюжета является символический факт: Ерошенко даёт своему юному другу книгу Джека Лондона. Вот конец второй главы: «Нерултенг умел довольно сносно читать по-русски и попросил дать ему какую-нибудь хорошую книгу. Случайно я дал ему рассказы Джека Лондона о Крайнем Севере. И с тех пор, после каждого прочитанного рассказа, он приходил, чтобы спросить меня, правда ли то, что написано в нём. А прочитав до конца всю книгу, опять допытывался, всё ли является правдой. И я ответил, что Джек Лондон — всемирно известный писатель, следовательно, можно верить ему. Однако кровожадные типы и ужасные сцены из жизни американского Севера совершенно отсутствуют на нашем Крайнем Севере, и они произвели на юношу невообразимое впечатление». В конце концов он выбросил книгу в море.

Отрицательным персонажем во всех отношениях выведен в книге партиец-аптекарь, «европейски воспитанный человек». Это был карьерист, говоривший «всегда с

апломбом и громче, чем надо, прозванный чукчами „аммиак”». В его лице Ерошенко высмеял узаконенное значение партийной ячейки и органов ГПУ, да и всю советскую систему.

Конечно, такая повесть с трудом пробивала дорогу к читателю. Полностью повесть в русском переводе была опубликована мизерным тиражом по Брайлю в Литве, а альманах «Собеседник» в 1973 году отважился напечатать в русском переводе только первые две главы из десяти.

1941 год. Новая беда — война. Застала она Василия Яковлевича в Обуховке, где он проводил свой очередной отпуск. Сложная обстановка на железной дороге не позволила ему вовремя вернуться к себе в Кушку. Он опоздал к началу учебного года и с трудом добрался туда только в октябре. По пути Ерошенко попадал под бомбёжку. Об этом я узнал из воспоминаний В. Бродо. Он поведал и другие факты и подробности из жизни Кушкинской школы. Василию Яковлевичу вскоре пришлось отлучиться в Ашхабад: пришла весть, что погиб брат Александр. Как ветеринар он вместе с несколькими милиционерами участвовал в экспроприации по аулам лошадей для нужд армии. И вдруг все они пропали, и люди, и собранные ими лошади. Ерошенко вместе с работниками ГПУ искал следы пропавших, но найти никого не удалось. Для Василия Яковлевича это было большой трагедией.

Война же принесла большие трудности и заботы: проблемы с питанием, топливом и с бумагой ученикам для письма брайлевским шрифтом. Тогда же произошёл случай, описанный в рассказе Владимира Пу «Видение». Замерзая в нетопленной школе, дети в отсутствие Еро-

шенко сожгли его книги и рукописи. А незрячему ученику Дурды в огне рукописей привиделись солнце и жеребёнок. Это была первая гибель его архива, последующие были ещё впереди.

Осенью 1941 года в приюте началась склока: директором школы захотел стать учитель по труду А.А. Иванов. Вызвали комиссию из района, потом из области. Иванов специально запустил в столовую собак, которые там нагадили. И комиссия пришла к выводу, что директором школы должен быть зрячий. Прислали О.О. Полякову, а Ерошенко стал просто учителем. С новым директором у Ерошенко отношения не сложились: он защищал учеников, живших впроголодь, а она потихоньку воровала продукты из школьной столовой. Её сняли с работы, директором назначили А.Ф. Соловьёва, хотя он и был незрячим, эвакуированным из блокадного Ленинграда, но в деле образования незрячих не понимал ничего. С ним у Ерошенко взаимопонимания тоже не было.

Все эти дразги и перемены, видимо, так подействовали на Ерошенко, что у него могло появиться желание всё бросить и даже покинуть страну. По некоторым сведениям он начинает знакомиться с языком пушту, на котором говорят в соседнем Афганистане. Э. Галвин утверждал, что Василию Яковлевичу захотелось «посмотреть», как живут афганцы, и он решил во время каникул перебраться через границу. Пограничники его заметили, задержали, допросили и сказали, что вдоль границы «шляться» не разрешается. Через несколько дней Ерошенко предпринял вторую попытку. Наткнулся на тех же пограничников. Его узнали и более строго сказали: «Бросьте вашу выдумку. Вы нас не видите, а мы вас всегда заметим».

Несмотря на то, что Ерошенко был отстранён от должности, многие директорские хлопоты оставались на его плечах. Особенно при переводе детдома в другое место. Дело в том, что завхоз школы Платон Ступко имел близких родственников около города Мары, и вместе с Соловьёвым они похлопотали перед начальством о по существу ненужном переводе школы, якобы чтобы она была подальше от пограничной зоны.

11 ноября 1943 года детский дом покинул Моргуновку. Учеников и всё имущество перевезли в посёлок при станции Семенники в 18 километрах от города Мары. Началось трудное обустройство. Неожиданно супруги Соловьёвы уехали, и назначили нового директора. Никаких подробностей о жизни Ерошенко в течение полутора лет в Семенниках мне найти не удалось.

Воспитанники Василия Ерошенко в большинстве своём устроили свою дальнейшую жизнь хорошо: стали учителями, руководителями, рабочими. Бывшие ученики помнят Василия Яковлевича только добрым и справедливым. Все его очень любили как близкого и родного человека. Вспоминают, как он часто с нежностью возился с малышами. Яркое подтверждение этому — известная школьная фотография, на которой Василий Яковлевич сидит с маленькой девочкой на коленях. Это Айча Кулиева, которую он буквально вынянчил. Ныне она живёт в городе Байрам-Али и всегда с благодарностью вспоминает своё детство в детдоме и любимого учителя.

Все ученики-кушкинцы до сих пор вспоминают Василия Яковлевича как настоящего подвижника, предельно бескорыстного правдолюбца, отдававшего всю свою душу подопечным. Они всегда чувствовали его уважение к себе, родительскую заботу и любовь.

Сам же Ерошенко летом 1945 года оставил интернат, но держал со многими питомцами связь, навещался к ним в качестве дорогого гостя. Так, например, известен печальный случай, когда Ерошенко в 1948 году посетил школу в Семенниках, где оставался его второй архив. И опять Василия Яковлевича постигло огорчение: все его книги и рукописи были уничтожены! Над его трудами нависал тяжёлый рок.

*Окончание читайте в следующем
номере журнала*

УРОКИ БИСЕРОПЛЕТЕНИЯ

Лариса Шевцова

УРОК 15

ГИАЦИНТ

Дорогие друзья! Сегодня мы сплетём очень красивый цветок — гиацинт. У этого цветка достаточно толстый стебель, на его верхушке собраны в кисть отдельные цветки, похожие на крошечные лилии. Каждый цветочек состоит из шести лепестков, расположенных в два яруса так, что лепестки верхнего яруса находятся между лепестками нижнего. Я ещё вернусь к внешнему виду гиацинта при описании сборки цветка. Листья у него узкие, с чуть округлённым кончиком и с желобком вдоль всего листа. Гиацинты могут быть белого, голубого, розового, сиреневого, ярко-розового, лилового, жёлтого цветов. Бывают гиацинты и с более экзотической окраской. Букет можно составить как из цветов одного цвета, так и из разноцветных. Главное, чтобы сочетались не только цвета бисера, но и его фактура.

Несколько слов о фактуре бисера. Бисер бывает прозрачный и непрозрачный. Прозрачный бисер может быть матовый и с блеском, с прокрашенным серебром отверстием, что даёт ему характерный блеск. Может быть полностью прозрачным и с прокрашенным отверстием,

изделия из такого бисера выглядят так, как будто бы они покрыты капельками росы. Бывает прозрачный бисер с радужным покрытием, его ещё называют бензиновым напылением. Непрозрачный бисер также может быть матовым и блестящим. Блестящий бисер может иметь жемчужное, бензиновое напыление, может быть и просто слегка блестящим. Это далеко не весь перечень бисерных фактур, я рассказала вам о наиболее часто встречающихся. Желательно в своих работах использовать бисер одной фактуры, исключение может составить только бисер зелёного цвета. Достаточно часто мы используем различные варианты зелёного прозрачного бисера вместе с непрозрачным бисером других цветов.

Вернёмся к нашему гиацинту. Давайте сплетём гиацинт розового цвета. Для этого нам понадобится бисер розового цвета, совсем немного бисера жёлтого и светло-зелёного цветов и бисер спокойного зелёного цвета для листьев. Проволока для лепестков может быть более тонкая, например 0,3 мм, а для зелёных листьев — 0,4 мм. Проволоку можно взять и под цвет бисера, и просто медную — в этой работе она почти не видна.

Три лепестка нижнего яруса каждого отдельного цветочка, так же, как и лепестки верхнего яруса, плетутся на одном отрезке проволоки. Длина проволоки 25 сантиметров.

Нижний ярус: нанизываем одну розовую бисерину на рабочий конец проволоки (на одном из предыдущих уроков мы договорились, что левый конец проволоки мы считаем рабочим), ещё одну розовую бисерину нанизываем сразу на оба конца, выравниваем концы проволоки. Разводим их в стороны и уже на каждый набираем по шесть розовых бисерин и ещё одну сразу на оба конца —

это один лепесток из трёх. Теперь нам нужно сделать то же самое на каждом из концов проволоки. Вспоминаем, как мы плели чашелистик для розочки.

Нанизываем на любой из концов проволоки девять бисерин, этим же концом проходим через восьмую бисерину в обратном направлении, нанизываем на него ещё шесть бисерин и проходим им через первую бисерину так, чтобы проволока вошла между второй и первой бисеринами, а вышла рядом с полностью сплетённым первым лепестком. Повторяем то же самое на другом конце проволоки.

Верхний ярус: на рабочий конец проволоки набираем одну розовую бисерину и ещё одну сразу на оба конца. Разводим концы проволоки в стороны. На любой из них набираем четыре розовые бисерины, одну жёлтую, повторяем то же самое на другом конце проволоки и нанизываем одну светло-зелёную бисерину сразу на оба конца. Теперь на любой из концов набираем одну светло-зелёную бисерину, одну жёлтую и шесть розовых бисерин. Этим же концом проходим через пятую розовую бисерину в обратном направлении, нанизываем ещё четыре розовые и одну жёлтую бисерины и проходим через светло-зелёную так, как в лепестках нижнего яруса, Повторяем то же самое на другом конце проволоки.

Лепестки верхнего и нижнего яруса чуть-чуть отличаются размером (нижний ярус больше) и расцветкой (в лепестках верхнего яруса мы делаем серединку другого цвета). Вместо жёлтого и светло-зелёного бисера можно использовать и белый, и любой другой, подходящий по цвету и фактуре.

Для красивого пышного цветка понадобится 25 — 30 отдельных цветочков.

Зелёные листья будем плести в технике французского или дугового плетения. С этой техникой мы встречаемся при плетении листьев для фиалки. Здесь мы не будем указывать длину проволоки, потому что бисер нанизываем, не отрезая проволоку от катушки.

Нанизываем сантиметров 50 зелёного бисера, отодвигаем его от конца проволоки сантиметров на 20 — 25. Сгибаем проволоку на расстоянии 15 — 20 сантиметров от конца и подкручиваем на несколько оборотов на расстоянии 5 — 10 сантиметров от сгиба. Конец проволоки до скрутки называется осью. На ось набираем двадцать пять бисерин. Чтобы бисер не соскочил, на конце оси можно сделать небольшую петельку. Вокруг оси нам нужно сделать две пары дуг. Для этого пододвинем бисер с рабочей нити к скрутке, уложим проволоку с бисером параллельно оси. В первой паре дуг может быть 26 — 28 бисерин, то есть немного больше, чем на оси. Здесь нужно учитывать, что первая пара дуг не должна образовывать промежуток с осью, чтобы лист не казался дырявым, но и слишком плотно тоже не должна примыкать, иначе лист будет вогнутым, а это некрасиво. С опытом мы уже не будем об этом задумываться, но пока придётся потрудиться. Не расстраивайтесь, если сразу не всё будет получаться, помните наш девиз: «Дорогу осилит идущий».

Проволоку с набранной первой дугой подводим под ось и делаем один оборот вокруг оси. Пододвигаем бисер для второй дуги, подводим проволоку под основание листа и делаем один оборот уже вокруг основания. Для второй пары дуг потребуется немного больше бисера, а процесс плетения останется прежним. После того, как мы сделали оборот вокруг основания, продолжаем

скручивать рабочий конец проволоки и основание ещё сантиметра на 3 — 4, после чего отрезаем рабочую проволоку. Смотрим, сколько осталось на ней бисера, при необходимости донизываем до необходимого количества и делаем следующий один лист.

Для одного гиацинта делаем два-три листа. Когда все листья готовы, прячем концы осей. Для этого концом проволоки, оставшимся от оси, аккуратно проходим между второй и первой парой дуг, затягиваем, загибаем его и отрезаем проволоку, самый кончик проволоки прячем между рядами. В процессе плетения внимательно следим, чтобы наша ось не отклонялась в стороны.

Дорогие друзья, описание работы кажется немного сложным, но на самом деле французское или дуговое плетение считается самым простым. Здесь больше на низывания, чем плетения. Мы эту технику будем использовать не очень часто, но знать её и уметь в ней работать нужно обязательно.

А теперь займёмся сборкой самого цветка.

Концы проволоки под лепестками верхнего яруса немного подкручиваем, проволочками от лепестков нижнего яруса обхватываем проволочки лепестков верхнего яруса, всё подтягиваем и подкручиваем концы проволоки обоих ярусов сантиметра на два. Расправляем каждый цветочек так, чтобы лепестки верхнего яруса находились между лепестками нижнего. Нам понадобятся жёсткий стержень, вязальная спица или деревянная палочка.

Верхушку стержня начинаем обматывать флористической лентой. Первый цветочек располагаем на самой верхушке, а остальные приплетаем к стержню достаточно плотно по спирали. Помните, что приплетаем мы

цветочки ниже скрутки, то есть скрученная проволока должна быть видна, а нескрученную прячем под ленту.

Ещё до приплетения листьев нужно подумать о вазочке, в которую мы поставим наш гиацинт или даже целый букет из гиацинтов. Дело в том, что листья у гиацинта растут не от стебля, а как бы отдельно: они не прикреплены к стеблю черенком, а появляются из луковицы, из которой вырастает и сам стебель с цветком. Поэтому в живом букете их просто отрезают и располагают по кругу от срезанного цветка. Мы же всё-таки прикрепим листья к стеблю, но в самом низу, ниже края вазочки. При этом регулируем длину стебля, чтобы не было слишком длинного голого отрезка. От последнего цветочка до зелёных листьев можно оставить сантиметров пять-шесть голого стебля, здесь прикрепить два-три зелёных листа и закончить обмотку стебля флористической лентой. А при установке в вазочку надо сначала прикинуть высоту цветка, отрезать лишнюю часть стебля и только после этого устанавливать. Если же стебель коротковат, то при застывании гипса нужно удерживать его на нужной высоте, чтобы листья не оказались в гипсе. Если вы сплели несколько цветов для одного букета, то зелёные листья располагайте не по кругу, а с одной стороны стебля. Когда же соберёте весь букет, тогда и расположите их по кругу.

Дорогие друзья, несмотря на простоту французского плетения, мне бы очень хотелось узнать, насколько понятно я объяснила вам эту технику. В описаниях работ, выполненных в этой технике, обычно указывается длина оси, количество пар дуг и тип верха и низа листика или лепестка (заострённый или округлый). Следуя стандартному описанию, я должна была бы просто написать:

«Зелёный лист: ось — 25 бисерин, две пары дуг, верх и низ листа округлые». И всё. Подумайте, достаточно ли для вас этой информации.

Мои публикации называются уроками, а значит, я могу дать вам маленькое домашнее задание. Отклики, вопросы и пожелания тоже приветствуются.

Ваша Лариса Андреевна